



Завязание
МОНГОЛ

АННА ГУР

Анна Гур

Наваждение Монгола

«Автор»

2022

Гур А.

Наваждение Монгола / А. Гур — «Автор», 2022

– Первая брачная ночь по праву моя! – У меня свадьба... Что вы себе позволяете?! Я ничего вам не должна! Прищуривается, восточные глаза незнакомого мужчины наполняются дикостью. – Не ты. Твой жених задолжал мне жизнь. Теперь Айдаров ответит за все. – Кто вы?! – наконец, выдавливаю из себя. – Монгол, – он проводит грубым пальцем по моим губам. – Ты не вернешься в дом отца, запомни. По традиции моего народа невеста должна быть девочкой. Вот сейчас и проверим. Снимай платье.

© Гур А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна Гур

Наваждение Монгола

Анна Гур

* * *

Глава 1

Ярослава

– Просто потрясающе! Какая невеста красивая...

Восхищенный голос стилиста рядом действует на нервы, как, впрочем, и ее мельтешение.

– Подвенечное платье стоимостью в миллион!

– Боже... Жених не поскупился!

– Это же Айдаров Мурат Айратович! Один из самых влиятельных политиков страны!

– Свадьба стоимостью в миллиард. Об этом будут писать еще долго...

Среди гомона женских голосов я четко выделяю один. Сводная сестра стоит за спиной и смотрит прямо мне в глаза через зеркало.

– Ты везучая. Тебя выбрал Айдаров...

Голос напоминает змеиное шипение, а я с трудом сдерживаюсь, чтобы не зарыдать, потому что мне выпал сомнительный билет в счастливую жизнь жены миллиардера.

– Я бы с радостью уступила, Настасья.

– Нет. Никто от подобного не отказывается.

Резко вскидывает подбородок так сильно, что длинные каплевидные бриллиантовые серьги ударяются о лебединую шею.

Красавица сводная сестра, привыкшая купаться в роскоши и всеобщей любви, она затмевала меня всегда, с того самого момента, когда через несколько месяцев после смерти моей мамы отец привел в дом Марину. Прошло всего десять лет, а кажется, что все забыли, что у Голицыных есть еще одна дочь. Я.

– Теперь ты будешь Айдарова. Я бы убила за такую возможность.

– Он старше отца, Насть, пугает до икоты, и ты знаешь, что он мне сказал...

– Прекратить!

Резко врывается в разговор моя мачеха, поправляя идеально завитой локон. Эффектная женщина, которую я никогда не назову мамой.

Марина хватает меня длинными пальцами за подбородок и поворачивает мое лицо к себе, рассматривает труды дорогущего визажиста, на которого у нашей еще недавно состоятельной семьи нет денег.

У папы оказалась на редкость требовательная новая жена, привыкшая шиковать, не обращающая внимания на проблемы, которые черной тучей нависли над нашей семьей с того дня, как на моем пути возник Айдаров...

– Глаза сделайте чуть ярче, и добавьте румян, а то она выглядит невзрачной. Тот случай, когда платье затмевает его носительницу.

Тонкий намек на мое несовершенство. Марина годами оттачивала умение ранить словами, дозировать боль и работать филигранно, чтобы я ничего не могла рассказать отцу, который давно отучился слышать собственную дочь.

Дождается, чтобы от нас отошли и, нацепив фальшивую улыбку, инструктирует тихо:

– Я надеюсь, ты не успела надеть глупостей, Яся?!

Прищуривает глаза, на что получает мой злой взгляд.

– О каких глупостях речь?!

– Я про твое бегство в ночной клуб. Ты понимаешь, что ты вчера сделала?! Если господин Айдаров узнает...

– Считай, это был девичник.

– Ты ведь знаешь, что нас ждет в случае, если посмеешь разочаровать олигарха?!

– Я все помню, Марина...

Смотрит на меня исподлобья, едва удерживая маску доброжелательности, и цедит тихо:

– Ты ведь все еще девственница, да?!

– Если мне не изменяет память, ты меня лично по требованию Айдарова к его доверенному гинекологу водила!

– Это было до того, как ты сбежала и провела ночь неизвестно где! Если ты что-то сделала, если только ты больше не невинна...

– Хватит, – цежу, стараясь не повышать голос. Этот разговор не для лишних ушей.

Здесь со стороны жениха женщины также присутствуют. Необычные традиции, которые мне пока не очень понятны.

– Помни о брате, Ярослава. Айдаров перекрыл нам кислород. Обложил так, что... – выдыхает, сбрасывая привычную личину стервы. – Матвей нуждается в лечении и если из-за тебя мой сын... – прикрывает рот дрожащими пальцами, а я сдуваюсь.

Я бы не пошла на все это, если бы не мой единокровный брат по отцу. Мотя. Он другой во всех смыслах, отличный ото всех. Ребенок с невероятной душой. Его я, можно сказать, вырастила, пока Марина гуляла по тусовкам.

– Будешь послушной, удовлетворишь Айдарова и все наши проблемы решены.

– Ты продаешь меня больному уроду.

Ухмыляется.

– Он мужчина, а ты будущая жена. Он в своем праве. Будешь молчать и делать все, что скажут! От тебя зависит будущее семьи и бизнеса!

– Он старик!

– Перестань. Мурат мужчина в самом соку, дурочка ты, еще не понимаешь! Ничего. Брачная ночь многое откроет. Я бы с радостью просватала ему Настю, но он выбрал тебя!

– Лицемерка.

– Улыбайся, Ясенька, сегодня самый счастливый день в твоей жизни и в моей! Наконец-то ты уберешься из моего дома!

Отворачиваюсь. Прикусываю губу и смотрю на девушку в зеркале.

Подвенечное платье, фата...

Говорят, невеста на собственной свадьбе – самая красивая, самая счастливая. В детстве каждая мечтает о платье принцессы и о принце, ждущем у алтаря.

Рассматриваю темноволосую девушку, которая смотрит на меня из зеркала. Роскошное белоснежное платье усыпано полудрагоценными и драгоценными камнями, на шее тяжелый обруч из платины с крупным бриллиантом, уши оттягивают караты.

Пышная юбка и шлейф длиной в пару метров, расшитый переливающимися чистотой огранки камнями.

Если на меня упадет луч света, я, наверное, буду походить на рождественскую елку из-за обилия украшений, которые будут отдавать миллионом бликов.

Подвенечное платье мечты, свадьба мечты, а у меня в глазах слезы.

Делаю пару шагов, пытаюсь привыкнуть к ноше. Платье стоимостью в миллион. Так скажут и напишут, а на самом деле невыносимо тащить на себе лишних двадцать килограммов.

Красиво, хоть и броско, кричаще о том, что мой будущий муж один из самых влиятельных людей страны, который, к слову, по возрасту старше моего отца.

Поправляю длинные манжеты, по своему крою мой наряд весьма закрыт, но вырез глубокий, и благодаря тугому корсету моя от природы небольшая грудь выглядит слишком провокационно.

Жених у меня со странностями.

Да и вся ситуация ужасная.

Хлопок двери, врезавшейся в стену, раздается слишком громко и заставляет женщин, заполнивших спальню, замолчать, а затем и вовсе побледнеть.

– Господин Айдаров!

Первая справляется с шоком Марина, она быстро направляется к замершему у двери грозному мужчине. Высокий. Крепкий. Чуть полноватый, но далеко не рыхлый. С седой бородой и цепкими черными глазами немного навывкате, которые выхватывают меня в пространстве и сшибают волной неприкрытой похоти и гнева.

– Вам пока нельзя видеть невесту, Мурат Айратович, церемония еще не...

– Рот захлопни!

Рывкает так, что Марина спотыкается, так и не добежав до мужчины, и стремительно бледнеет, а я смотрю на своего охранника, которого ко мне приставил сам Айдаров. Блюсти честь будущей жены, так сказать.

Рядом с от природы крупным кавказцем этот бугай теряется, он выглядит поникшим, как нашкодивший пес, поджавший хвост.

– Все вон! Я хочу остаться со своей невестой наедине. Нам есть о чем поговорить, правда, Ярослава?

Айдаров приказывает и никак иначе. Секунд хватает на то, чтобы помещение очистилось. Я бы и сама бежала куда глаза глядят, но мне некуда.

Вчера ночью я попыталась, нет, не так, я захотела убежать от проблем, от судьбы и от страшного мужчины, которого прочат мне в мужа, но потом, когда шок прошел, я вспомнила, что грозит брату, отцу, всей нашей семье и вернулась.

Мокрая, грязная, продрогшая. От таких монстров не убегают, от судьбы тоже, но у меня почти получилось...

Дверь вновь хлопает, отрезая меня и моего будущего мужа ото всех.

– Ярослава...

Он произносит мое имя полностью, смотрит цепко, изучает. Слишком жестокий, привыкший покупать все и всех. Говорят, его избранницы долго не живут. Рассматривает меня, проходится по моей фигуре жадным взглядом, застывает на лице.

– Выглядишь отвратительно.

– Не эти слова невеста желает слышать от будущего мужа перед свадьбой.

– Это единственное, чего ты достойна.

Делает паузу, пригвождает колючим взглядом к полу и делает несколько шагов в мою сторону, а я вытягиваюсь, как струна, натянутая до предела, замершая за мгновение до того, как лопнуть.

– Чем ты думала, когда решила убежать от охраны?

Айдаров не поднимает голоса, наоборот, начинает говорить тихо, но только от интонации у меня озноб по спине.

– Ответа не слышу.

Сжимаю пальцы в кулаки и отвечаю твердо:

– Я просто хотела вдохнуть чуточку свободы перед заточением.

Хмурит брови, делает шаг ко мне один, второй, а я заставляю себя стоять. Приближается и ловит меня за локоть, нависает, прикусывает мясистые, широкие губы, словно в раздумье.

Мужчина в возрасте, но хватка цепкая. Руки сильные. Он ими отменно умеет мучить. Гоню мысли, не хочу вспоминать тот день, когда я окончательно поняла, что продана монстру. Потому я и сбежала...

– Такая невинная. Глаза голубые, с прозрачной поволокой, смотришь открыто, прямо. Нетронутая, естественная красота. Когда увидел тебя, думал, что нашел покладистую жену, чистую, кроткую, послушную в постели и молчаливую. Редкий алмаз, который я посчитал достойным, решил ввести в свой дом.

Опять выдерживает паузу, наклоняет лицо ко мне и добивает резким тоном:

– А мне докладывают, что невинный цыпленок шлялась непонятно где и вернулась под утро, потрепанная, грязная, словно облеванная... Невеста самого Айдарова! Моя невеста! Ты понимаешь, что я с тобой сделаю за это?!

С каждым его словом хватка на локте становится все болезненнее, сильнее и из моих глаз уже текут слезы.

– Скажи, может, был излишне мягок с тобой?! – продолжает уже нежно, словно действительно спрашивая. – Может, рано позволил убрать хомут с шеи твоего папочки?! Ослабил давление и тебе показалось, что я могу и уступить?! Так вот. Один твой неверный шаг и я закручу вентили финансовых поступлений твоего отца, все в моих руках, власть у меня и все решения только через меня.

Холодный пот прошибает спину. Он сейчас Мотю приговаривает к смерти за то, что ослушалась, за мою слабость, за мой страх...

– Нет, Мурат Айратович, я не делала ничего плохого. Вы же видели заключение вашего гинеколога! Не надо... умоляю...

– Это было до твоего вчерашнего выкрута!

Рявкает так, что уши закладывает.

– Я все еще чиста, клянусь!

Резко хватает за мое лицо и прижимает к себе, дает прочувствовать всю силу, которая скрыта под брендовым костюмом жениха.

– Ну что же, тогда мне ничего не мешает консумировать брак прямо сейчас.

Эта фраза как ультиматум, как приговор и я выпаливаю:

– Что?! Нет! Пожалуйста...

В глазах щиплет сразу же и сердце наполняется режущей болью, я готовила себя морально к тому, на что обречена, но желала оттянуть то, что должно произойти, хотя бы до ночи, хватаясь за минуты и часы...

Внимательные темные глаза следят за каждой моей реакцией, за слезами, которые замерли на ресницах...

– Прошу вас, господин Айдаров, не нужно... не позорьте меня так... Там за дверью собрались ваши гости, моя семья... они ведь услышат, поймут... что именно здесь происходит...

Я говорю сбивчиво, выпаливаю свои мысли, проговариваю все, что на душе, не забывая ни на секунду, что передо мной настоящее чудовище, не знающее пощады. Он выбрал меня придирчиво, словно племенную кобылу, чтобы по всем параметрам подошла, со всеми справками.

Мерзко. Унизительно и не давая мне ни малейшего шанса отказаться от сделки.

Выслушивает меня и наклоняется так близко, что я могу разглядеть каждую черточку на смуглом лице.

– Какая ты красивая, Ярослава... Чем так меня зацепила, что ни на кого смотреть не могу... Женой тебя сделаю, озолочу... В шелках ходить будешь. Но если ты мне солгала, если солгала...

Сильные пальцы впиваются в скулы, а глаза вспыхивают фанатичным блеском, и я проклиная тот день, когда попала на глаза этому извергу.

Не обманываюсь, примерно понимаю, что за монстр берет меня в жены. Дожив до своих лет, один из самых влиятельных людей страны озадачился наследником, которого должна родить девушка с кристальной репутацией, отдав себя на заклятие, и вчера я хотела убежать, совершить ошибки, извлекаться в грязи, чтобы стать противной.

Порченный товар не прельщает, но я... вернулась, с глазами полными слез и переломанным хребтом, потому что не смогла. Я жаждала свободы, но не за счет уничтоженного бизнеса отца и жизни брата.

Пока смотрю в жесткие бесчувственные глаза мужчины, меня начинает трясти, особенно когда его вторая рука ложится на талию и прожигает сквозь корсет...

– Не думай, что сможешь отлынивать от исполнения обязанностей моей супруги. Этой ночью ты смиренно ляжешь на супружеское ложе и безропотно исполнишь все, что должно, а по утру по вековой традиции гостям вынесешь простыню. И если она не будет алой...

– Я девственна! Клянусь, – проговариваю, отгоняя страх перед ужасом, через который должна пройти, но это унижение будет потом, не сейчас, когда за стенкой...

Поток мыслей обрывают жесткие слова моего жениха, который словно раздумывает вслух:

– Ты должна будешь простоять всю церемонию на ногах, если возьму свое сейчас, можешь упасть в обморок, а подобного ажиотажа мне не нужно. Ничто не должно омрачить торжество. Репутация моей невесты и жены должна быть кристальной. Один неверный шаг, Ярослава, и я сгною тебя и каждого, кого любишь, начиная с мелкого гаденыша, за которого ты так трясешься.

– Я выполню все, господин Айдаров, только прошу, не трогайте...

Кладет широкий палец мне на губы. Вжимает в зубы, причиняя боль...

– Этой ночью никаких слез, никакой мольбы, научу как ублажать мужчину.

Проводит ласкающе пальцами по шее и хватает за волосы, тянет, заставляя податься вперед.

– Молись, чтобы мне все понравилось, но если ты солгала, если запятнала себя...

Выпускает меня из хватки, разворачивается на каблуках и выходит из спальни, хлопнув дверью, а я оседаю на пол и плачу, текут слезы негодования, обреченности и дикого отчаяния напополам с раскаянием, потому что вчера ночью я могла стать женщиной, но сбежала, испугавшись...

Я заставляю себя подняться, дрожащей рукой поправляю пышную юбку подвенечного платья. Корсет давит так, что дышать больно, но я цепляюсь за это ощущение, чтобы не думать, чтобы отвлечь себя от мыслей.

Прикусываю губу, наслаждаясь своими последними минутами хрупкого покоя. Давно, еще девчонкой, мечтала об этом событии, зачитывалась романами и грезила о красоте момента, важного для каждой девушки.

На глаза попадает журнал со списком влиятельных людей, где на глянце поблескивает лицо моего жениха, всматриваюсь в жесткие черты, в плотно сжатые губы одного из самых влиятельных политических деятелей страны и тело пробивает на дрожь. Листаю интервью. Помимо вопросов относительно внешней политики, Айдаров оповещает о грядущей свадьбе и об избраннице.

А то, что глаз цепляет дальше, заставляет холодный пот мелкими каплями выступить на спине.

– Пришло время задуматься о наследниках. Мои люди долго искали девушку с кристальной репутацией, идеально подходящую под запросы. Я человек, чтущий традиции. Особым достоинством моей будущей жены является непорочность. Обычаи моего народа будут соблюдены досконально, и свадьба пройдет по всем законам.

Сворачиваю и отбрасываю глянец в сторону, как ядовитую змею.

– На всю страну! Он это сказал на всю страну... Видно, сестра с собой притащила, чтобы позлорадствовать. Или вообще не представляю, каким боком здесь это.

Выдыхаю со свистом, пытаюсь прийти в себя и смотрю на фотографию, что лежит рядом с зеркалом. Там их много, но я смотрю на одну-единственную, где девчонка со вздернутым носом изо всех сил обнимает худенького мальчика, который улыбается не губами, нет.

Только глаза. В них море, просто океан любви и понимания. Такой маленький и такой сильный, несмотря на слабость крохотного тельца.

– Я справлюсь, Мотенька, справлюсь... – тихое обещание и дрожь на кончиках пальцев.

Вчера, после того как вернулась, я провела несколько часов у кровати спящего Моти, гладила тонкие кисти рук, проводила пальцами по шелковистым черным волосам.

Сиделка привыкла к моим появлениям и продолжала не обращать на шепотную сестру своего подопечного никакого внимания.

Я давно свыклась с ролью невидимки. Так проще. Легче. Жаль, что и для Айдарова я не осталась незамеченной...

– Все будет хорошо, малыш... – обещанием в тишине глубокой ночи.

Во сне Матвей выглядит таким умиротворенным, ангелочек просто, с длинными ресничками, которые отбрасывают тени на щеки.

– Сладких снов.

Когда встала, чтобы уйти, брат словно почувствовал и открыл свои от природы большие глаза, такие выразительные, словно глаза старца, прожившего несколько жизней...

Поцеловала в бледный лоб самого близкого на всем свете человека и тихо прошептала:

– Спи.

Обращаю взгляд на свое отражение.

Девушка в идеальном платье, все вокруг словно подогнано под формат глянца, а внутри меня пустота и боль, потому что бесправную вещь продают в пользование олигарху, который настолько влиятелен, что может сгноить всех, но получить то, что хочет.

А хочет он меня.

Вчера я бы сбежала, если бы не брат и горестное осознание, что Айдаров из-под земли достанет и заставит эту самую землю глотать комьями.

Абсолютная власть развязывает людям руки.

Стираю с щек слезы и поворачиваю голову на звук открываемой двери, впускающей имиджмейкера, которая бледнеет, замечая, что труды последних часов пошли насмарку.

– О, боже! – вопит практически и быстро подбегает, принимаясь вытирать мне лицо салфетками и приводить в подобающий вид.

Затем появляется Марина, бледная, дрожащая.

Мой жених умеет сбивать спесь даже с таких стерв, что же сделает со мной...

– Всегда прошу своих невест сдерживать слезы счастья. Тушь водостойкая, но у тебя слез, как водопад, так что держи себя в руках. Фотографии должны быть отменные!

Нотация проходит мимо ушей.

– Волосы слишком непослушные... – бубнит себе под нос стилист, – никак не уложить локоны, они все время выskalывают.

Мастью я в маму, сейчас, когда смотрю на ее старые фотографии, вижу, насколько похожа на нее, даже слишком, схожесть стала моим проклятием, отдалив от отца.

Может, поэтому Егор Константинович отводит взгляд, стоит мне к нему обратиться.

Нелюбимая дочь. Я привыкла.

– Идеально.

Проговаривает женщина, отнимая руки от моих слегка собранных на висках волос. Длинные локоны упираются почти в попу, черным блестящим водопадом скатываясь по спине.

Получив отмашку, в комнату входят операторы.

– Улыбайся, не стой столбом, – сквозь фальшивую улыбку шипит мне на ухо Марина, а затем в комнату проходит отец, стоит ему остановиться на мне свои бледно-голубые глаза, как он застывает, по лицу идет судорога, исчезает бесследно, и он опять морщится, словно лимон жуёт.

Сестра поправляет мою юбку отрепетированным жестом, привлекая к себе внимание операторов, а отец направляется ко мне.

– Здравствуй, папа...

Мой тихий голос утопает в звуке вспышек фотокамер.

– Дочь.

Кивает скупое, встает рядом и застывает с улыбкой.

Идеальные кадры счастливой невесты завтра будут на первых полосах всех журналов. Только невеста эта готова удавиться от собственного счастья.

Отец наклоняется и его голос скрипит, как наждачная бумага, из-за напряжения.

– Ярослав... Я... дочка, ты простишь меня когда-нибудь?

Кабинет отца и его крик оживают в памяти.

– Я прошу вас, Мурат Айратович. Мне нужно время. Вы понимаете, что лишаете мою семью всего! Моему сыну нужно специальное лечение, без него Матвей не выживет!

– Отдай мне в жены свою дочь, и черная полоса в жизни твоей семьи прекратится.

– Мою дочь?! Это все из-за Настасьи?!

Смех, наполненный превосходством.

– Нет. Другая твоя дочь. Цветок, что прячешь ото всех, Егорчик. Черноволосая красавица, скромная, тихая, с бирюзой в глазах. Я хочу на ней жениться.

– Это шантаж.

– Отдай мне ее в жены по-хорошему, все твои дела выправятся. Чем скорее решишь вопрос, тем больше шансов спасти бизнес. Заметь, Егорушка, я хочу твою дочь не в наложницы, а именно в жены. Это честь для любой семьи.

– Ярослав не предмет для торгов. Мой ответ...

– Я согласна!

Мой голос дрожит, когда я открываю дверь кабинета и вхожу, представляя под темные злые глаза Айдарова, мужчины, способного уничтожить всю мою семью только для того, чтобы уломать отца отдать в жены дочь...

– Вот видишь, Голицын, какая у тебя умная дочь. Проницательная. Поняла, какое предложение ей делают.

Улыбается, прохаживая по моей фигуре алчным взглядом. Тем же, как тогда на приеме, когда я случайно столкнулась взглядом с этим страшным человеком...

Улыбается, глядя мне прямо в глаза, а я каким-то чутьем понимаю, что он понял, почувствовал, что я стою под дверью и подслушиваю.

Поднимается и идет ко мне, берет меня за дрожащую руку и заставляет пройти вглубь кабинета.

– Я человек, чтущий традиции, Голицын, так что считай, я попросил у тебя ее руки, и ты отдал мне дочь.

Поворачиваюсь и смотрю в стремительно бледнеющее лицо отца, чувствую, как он опять готов возразить, и отвечаю твердо:

– Я все решила, отец. Стать женой такого человека – мечта любой. И не стоит обсуждать этот вопрос больше.

Страшный человек.

Короткая вспышка воспоминания и я покрываю холодную руку отца своей ладонью. Он хочет еще сказать что-то, но рядом раздаются голоса, гости со стороны жениха под удары барабанов заходят в комнату, женщины, разодетые в традиционные наряды, с песнопениями на восточный манер, держат в руках подносы со сладостями и подношениями.

Они танцуют вокруг нас с отцом, поднимая подносы на вытянутых руках...

Если бы была гостьей на чужой свадьбе, не знала всего закулисья, может быть, я бы и восторгалась необычностью всего действия, но сейчас все мимо меня и вызывает лишь неприятные ощущения из-за понимания, что как и обещал мой жених, все традиции будут соблюдены, вплоть до демонстрации окровавленной простыни...

– Невеста! Улыбочку, вас снимают! – широко улыбается один из многих приглашенных фотографов, и пытаюсь улыбаться и вести себя как счастливая невеста, переступаю через брошенные к ногам сладости и золотые монетки.

Они бьются о пол и издают характерный звон, конфеты шуршат и каждый залп барабанов, как удар в грудь, приближает к неизбежному.

Красивое действо, интересное, но не сейчас, не для меня.

– Я подержусь за тебя, пап, не могу двигаться в этом платье, на этих шпильках на лестнице могу навернуться от счастья.

Сквозь улыбку произношу, и отец сжимает свою руку, поддерживает меня.

– Доченька, Яся моя, что же мы творим...

Его голос надрывный, хриплый, тихий, и пальцы впиваются в мой бок, словно отец готов вырвать меня отсюда, отказаться, обращаю опять на него свой взгляд.

Замечаю, как бледен, как блестит лоб, и прежде, чем он совершит ошибку, проговариваю четко:

– Я все решила. Не заставляй меня ненавидеть тебя и себя за слабость.

Замечаю, как дергается кадык на горле отца, и он произносит с горечью:

– Почему ты так на нее похожа... почему...

Не отвечаю, мы как раз спускаемся по лестницам, папа держит мои похолодевшие пальцы, опираюсь на него, чтобы не упасть, ведь платье делает меня слишком неповоротливой. Шлейф тянется за мной.

Вспышки, камеры нацелены на меня и множество лиц, знакомых и нет, перед глазами пролетают как на скоростной пленке.

Задерживаю дыхание, устремляю взгляд к дверям, которые открыты настежь. Никто сегодня не скупился на пионы, которые спадают со стен замысловатыми гирляндами.

Мои любимые цветы, которые часто дарили ухажеры сестре, не потому что она их любит, а потому что не примет букет, не стоящий как месячная зарплата обычного человека. Сейчас, когда смотрю на белоснежное великолепие, вспоминаю, как Настасья бросала букеты, стоило войти в дом, на пол или в лучшем случае на стол.

– Ненавижу, когда все так легко. Неужели все мужчины такие тюфяки?!

– Ты называешь того парня тюфяком, потому что он не поскупился и отдал почти все, что заработал, на букетик для высокомерной фифы?!

– Откуда ты такая взялась, Ярослава, не сможешь себе нормального богатого мужика найти, ну подбери этого себе, раз так жалеешь.

Сейчас, глядя на пионы, улыбаюсь, ошибалась сестра моя, ох как ошибалась.

– Ярослава, жених ждет...

Застываю по центру зала. Место это даже обозначено белым кругляшом.

– Ярослава, улыбнитесь... – командует фотограф, – чуть подбородок в сторону, да, вот так. Вы сегодня самая счастливая невеста...

Со стороны раздаются голоса, песнопения уходят на новый вираж и напоминают монолитный галдеж, который я однажды завороченно слушала, смотря передачу по телевизору о традициях востока.

Женщины бряцают золотыми массивными браслетами, поднимают руки вверх и ударяют запястьями, а я обращаю взгляд к выходу и задерживаю дыхание. Смотрю на белоснежную дорожку, которая ведет к черному премиальному седану, и сердце спотыкается.

Там застыл изваянием мой жених. Высокий, седой, хищные черты пугают и взгляд темный, цепкий, я чувствую его на коже липкой паутиной.

Прикрываю глаза, нарушая контакт. На кону все, что дорого. Мотя не выживет, отца такой враг, как Айдаров, загонит в петлю и даже Марине с Настасьей не поздоровится.

Последние две особой любви у меня никогда не вызывали, но перспективы, которые обрисовал Айдаров для них...

Сглатываю едкий ком.

И опять иду по белоснежной дорожке, выхожу на улицу, где все похоже на сад или цветочную галерею с бесчисленными арками, под которыми я прохожу, сжимая пальцы на сгибе локтя отца.

Папа застывает рядом с женихом, поднимает голову, чтобы заглянуть в глаза Айдарова, но не спешит передавать меня жениху, который по традиции сжимает в ладони свадебный букет. Он должен передать мне его в знак того, что согласен принять невесту из рук отца в свои.

– Я прошу вас, господин Айдаров, о снисхождении. Ярослава прекрасная девушка, она... слишком похожа на свою мать, та же чистота и...

– Голицын, мы вроде обо всем уже договорились и обсудили. Сегодня знаменательный день. Останусь довольным невестой – твои дела выправятся, если нет...

В чертах моего будущего мужа проскальзывает нечто пугающее. Черные глаза темнеют, давят. Губы приподнимает, демонстрируя подрагивающий оскал голодного зверя, готового растерзать.

Со стороны милая беседа жениха с отцом невесты, пропитанная фальшью улыбки, на деле – угроза отцу, если Айдаров не перестанет давить, используя аппарат власти, отец потеряет все, жизнь Моти будет под ударом.

– Все хорошо, папа, – нарушаю звенящую тишину, повисшую между мужчинами.

Смотрю в лицо своего жениха. Если бы он не был беспринципным коррупционером и не бил по самому больному, может, я даже посчитала бы его приемлемым вариантом. Ведь не в возрасте дело, не в красоте избранника, но Айдарова не за что любить. У меня к нему только ненависть, чистая, незамутненная, обжигающая нутро кислотой, но я бы согласилась выйти замуж за самого дьявола, только чтобы сохранить жизнь самого дорогого в мире человечка, которого я растила с самых пеленок, кормила и сидела у его люльки ночи напролет, держала за крохотную ручку и молилась.

После смерти мамы я стала замкнутой, сторонилась людей и только Мотя заставил меня почувствовать, что я не одна, есть брат, который нуждается во мне так же, как и я в нем...

– Сегодня самый счастливый день моей жизни, – выдавливаю из себя фразу и у меня щеки сводит от фальшивой улыбки, которую я демонстрирую на камеру.

– Похвально, Ярослава, похвально, – отвечает жених, разглядывая мое лицо, медленно скользя взглядом к вырезу платья, где вздымается грудь.

Мужчина отнимает мою ладошку от локтя отца, проводит своим большим пальцем по внутренней стороне моего запястья, где сходит с ума мой пульс.

– Красивая невеста мне досталась. Будь послушной женой, носи с достоинством мою фамилию и я положу к твоим ногам весь мир.

Букет ложится в мою ладонь, а я не выдерживаю яростного, одержимого взгляда моего будущего мужа, опускаю глаза, смотрю на кроваво-алые цветы, символ невинности будущий жены, и тошнота подкатывает к горлу.

Лечь в постель с мужчиной, который вызывает у тебя содрогание от ужаса и неприязни, тяжело. К этому нужно подготовиться морально и все равно сложно перешагивать через себя.

– Ничего мне не ответишь?

Голос Айдарова заставляет встрепенуться, и я отвечаю первое, что приходит на ум:

– Я постараюсь.

Главное, не уточнять, что именно постараюсь...

Церемония продолжается. Я пытаюсь дышать. Вдох-выдох, вдох-выдох, отец передает дочь в руки жениха. Мой будущий муж резковато тащит меня на себя и заставляет встать рядом, приобнимает за талию, и я чувствую, как его пальцы впиваются в корсет, добавляя боли моим перетянутым ребрам.

Фотографии должны быть идеальными, улыбаюсь, а сама думаю, что сегодня не свадьба, а похороны. Я себя закапываю живьем, мне не суждено узнать, что такое любовь. Айдаров заберет меня себе. Развод с таким человеком маловероятен, побег...

Думаю, и он невозможен.

Смаргиваю слезы, которые все непременно сочтут за доказательство счастья невесты.

– Ну что же, господа, снимайте, – командует мой жених.

Вспышки ослепляют, а Айдаров дотрагивается до моего подбородка и поворачивает в свою сторону без видимых усилий, смотрит в мои глаза и его выпирающий живот впивается в меня, пока он давит второй рукой мне на спину, заставляя приблизиться для поцелуя на камеру.

Мои глаза распахиваются в ужасе. Мурат заслоняет собой солнце, нависает черной тучей над моей головой, и я в страхе прикрываю веки, чтобы не смотреть в эти жгучие глаза, полыхающие чистой похотью.

– Сегодня ты моя, Ярослава, будешь принадлежать без остатка... – хрипит мне почти в губы, заставляя все внутри свернуться в тугой ком, жмурюсь сильнее и мне плевать, что судорога отвращения должна исказить мои черты.

Под нарастающее улюлюканье и бой барабанов я откланяюсь все сильнее и заставляю жениха практически применить силу, он хватает меня за фату, прикрепленную на затылке, и, сминая ее, насильно приближает мою голову, и за секунду, как его рот обрушится на мои губы, происходит нечто странное, земля под ногами дрожит и грохочет так, словно кто-то выпустил табун оголтелых лошадей и они мчат в нашу сторону, чтобы зашибить насмерть...

Глава 2

– Что за... – шипит мой жених, но уже в следующую секунду рокошет так, что меня отбрасывает на ровный газон, усыпанный цветами, чуть поодаль от Айдарова, ударяюсь больно боком, кажется, умудряюсь стесать щеку. Тело прошивает болью, как если бы в меня вонзались сотни мелких осколков, которые царапают нежную кожу на тех участках, которые не прикрыты кружевами.

Крики и грохот все нарастают, вспышки ослепляют. Прикрываю ладонями уши, чтобы не оглохнуть, сжимаюсь вся, земля подо мной ходуном ходит.

Меня оглушает. На миг кажется, что кто-то накосячил с пиротехникой и салюты почему-то бьют по земле, а не пробивают небеса, взрываясь переливчатым светом, и я совсем не задумываюсь, что в дневное время никто бы не запускал петарды.

– Что происходит?

– Что случилось...

Крики вокруг, суета, обрывки фраз. Ничего не понимаю.

С трудом разлепляю глаза, озираюсь, люди лежат на земле, прикрываясь руками, отползая в сторону.

– Папа... – не получается крикнуть, горло сдавило, все тело как в тисках. Ищу его и, наконец, замечаю отца, его откинуло далеко, но он поднимается сначала на карачки, упирается руками в землю, лицо измазано грязью, вскидывает голову, словно ищет и находит меня, смотрит с таким диким отчаянием и безумием, пытается доползти, но у него не получается. Он оглушен.

– Прикрываем босса! – крики охранников. – Чрезвычайная ситуация!

Айдарова прикрывают телохранители, а меня словно отбило от всей массы людей в сторону, я пытаюсь встать, но не могу. Ничего не могу. Чье-то тело падает на меня, словно закрывая от какой-то неизведанной опасности, кажется, что меня пытаются оттащить в сторону.

Поворачиваю голову и узнаю человека, охранника.

– Не поднимайте головы, Ярослава.

Чеканит тот же парень, от которого я вчера убежала, свинтив в клуб. Сейчас он выглядит как-то обескуражено, а затем я леденею, приметив в его руке пистолет.

– Я постараюсь нас вывести, – говорит мне, но почему-то мне кажется, что он не уверен в собственных словах, словно сам не верит, что у него получится.

– Хорошо, – роняю тихо, и парень приподнимается, подается назад, видимо, пытаюсь сориентироваться во всей этой заварухе, но не успевает...

Я сама ничего не успеваю понять, как на газон рядом со мной влетает огромный внедорожник...

Охранник отлетает в сторону, его просто сносит, и землей из-под шин гиганта засыпает нас с ног до головы.

Прищуриваюсь, протираю лицо рукой и вижу, как черный зверь, огромный мощный джип с железными обводами, дрейфует, и ощущение такое, что кто-то пытается совладать с машиной, чтобы не переехать и не добить неудачную невесту.

Свадьба века. Такое многие запомнят. Не знаю, почему шальные мысли летят в сторону глупостей, в то время как у меня даже сил нет отползти, прикрываю глаза, сжимаюсь. Будь что будет. Визг тормозов слышен слишком ярко, а комья из-под шин ударяют в лицо, заставив прочувствовать привкус травы и земли, которая закрипела на зубах, протираю рукой губы, плююсь, пытаюсь проморгаться от пыли, грязи, которая ударяет по глазам и проникает под веки.

– Что происходит... Что же это такое...

Вижу своего неудавшегося защитника, может, его отбросило ударом о бампер, он силится подняться, упирая грязные руки в то, что еще несколько секунд назад являлось идеально подстриженной лужайкой.

Рядом со мной распахивается дверь и из нутра черного и явно бронированного монстра появляется мужчина...

И у меня в голове рождается крик.

– Это конец.

Один взгляд на него и меня бросает в жар, потом в холод, грудь сдавливает клещами так, что не продохнуть.

– Не ждали?!

Спрашивает иронично как-то, зло.

Больше я не слышу ни истошных воплей рядом, не чувствую ужасающий запах копоти, я смотрю только на мужчину в черном, он словно вышел прямиком из ада и за его спиной вспышки пламени поднимаются в миг потемневшее небо. Как на замедленной пленке.

Даже сейчас, в окружении неразберихи и полного хаоса, он притягивает взгляд, сшибает своей харизмой.

Мужественный. Дикий. Агрессивный. Странно, но я сразу же понимаю, что именно он устроил этот ад. Я от него взгляда оторвать не могу. Он останавливает на мне свои глаза. Словно прожигая меня насквозь, обрушивая шквал какой-то непонятной неприязни, которую я ощущаю каждой клеточкой.

И понимание, что он пришел сюда именно за мной, по мою душу, и страх, безудержный, яркий, когда он произносит бархатистым голосом, почти ласково:

– Ну, привет, невеста...

Речь отказывает. Не отвечаю ничего. Я просто в диком шоке, но мужчина явно не нуждается в моем приветствии. Пока я в глубоком молчании изучаю его яркую восточную внешность, незнакомец делает шаг в мою сторону.

Он выглядит сконцентрированным. Лицо без единой эмоции, словно робот, нацелившийся на мишень, а я все смотрю на него, не могу оторвать взгляда и его черты отпечатываются в памяти.

Убеждаю себя, что это не его невозможная харизма и обаяние, а просто я действую в своих интересах, быть может, потом, когда спасусь, я смогу дать показания, досконально описав внешность преступника, устроившего нападение.

– Будущая Айдарова, значит... – он шевелит полными, четко очерченными губами, и я просто ощущаю, как выплевывает фамилию моего несостоявшегося мужа.

Грубые черты искажаются ненавистью, янтарные глаза вспыхивают, а я как ненормальная смотрю на него, запоминая нос с легкой горбинкой, щеки, покрытые щетиной, напоминающей отросшую бородку.

Пугающий. Мрачный. Смоляные волосы зачесаны назад, закручены в хвост на затылке по примеру якудз, лоб высокий, бровь со шрамом, виски короткостриженные. Эту внешность ни с кем не спутать.

Делает еще шаг.

Огромный мужчина смотрит прямо на меня, не замечая никого вокруг, а я начинаю машинально отползать, но громоздкое платье сейчас работает как гирия в двадцать килограммов, огромная нога медленно наступает на подол, делая мой побег невозможным.

В ужасе замечаю, что на голенище берца видна рукоять ножа. Трепыхаюсь пойманной бабочкой, но незнакомец не позволяет даже сдвинуться на пару сантиметров, пригвозждая меня к земле, всего лишь наступив на несуразны, когда-то роскошный, подол свадебного платья.

Раскосые тигриные глаза сужаются, стоит мне поднести дрожащие пальцы к губам в странном порыве остановить свой собственный вопль, который, впрочем, выходит лишь сипом.

– Кто вы...

Дрожащие губы выпаливают вопрос, но в страшном грохоте вряд ли возможно услышать, что я говорю.

На мгновение мужчина вскидывает голову и смотрит в сторону, туда, где под прикрытием охраны забаррикадировался мой жених, и меня поражает агрессивность незваного гостя, который явно не боится ничего, он находит взглядом Айдарова и улыбается, демонстрируя настоящий оскал зверя. У меня внутри все обрывается от этого взгляда человека, пришедшего карать, а может, и вершить правосудие.

Не знаю. Все чувства в полном хаосе.

Улыбка-вызов вспыхивает на лице незнакомца и я слышу крик моего жениха, переходящий в вой. Страшный. Рваный.

– Нет! Ярослава! Спасайте ее, олухи! Схватить!

Айдаров пытается отвяжаться от своей охраны, вырывается, словно готов сам кинуться на замершего надо мной всадника апокалипсиса. Мурат кричит еще что-то, но незваному гостю такое поведение доставляет какое-то извращенное наслаждение, кайф от бессильной ярости моего жениха, которого буквально держат несколько охранников.

Мужчина надо мной вскидывает бровь и кивает, словно его удовлетворила реакция врага, а затем он медленно поворачивает голову в мою сторону...

– Не трогай ее! Не трогай ее! Стреляйте в него! Чего ждете!

Орет мой жених и я заторможено смотрю на мужчину, который не боится ни пуль, ни расправы, в его глазах удовлетворение.

Он понял, что его нахождение рядом со мной приносит моему жениху страдания.

Никогда бы не подумала, что Мурат настолько одержим своей новой игрушкой в моем лице... Я смотрю на своего почти мужа, вижу, как вопит, как лицо у него перекошено ненавистью. Все эти чувства всколыхнул незванный гость.

– Значит, Ярослава...

Услышать собственное имя из его уст так неожиданно, что я опять смотрю на мужчину, возвышающегося надо мной огромной скалой.

– Ярослава...

Улыбается и голову поворачивает, как зверь перед броском, а я вжимаюсь в разбитую землю...

Безуспешно пытаюсь испариться, исчезнуть из поля зрения этого ненормального с на редкость умным и спокойным взглядом.

Вокруг происходит что-то страшное, полная неразбериха, люди рассыпаются в разные стороны, охрана справляется с эффектом оглушенности, приходит в себя и начинает стрелять. Просто пока, видно, промахиваются.

Восточный мужчина, напротив, ничего не боится. Стоит, широко расставив мощные ноги, обтянутые черными штанами военного кроя.

Он даже не пригибается, не пытается уйти из-под огня, а может, просто точно знает, что его не достать. И как подтверждение собственных мыслей слышу вопль Айдарова:

– Прекратить! Вы заденете мою жену!

И несмотря на весь ужас происходящего, меня так и подмывает крикнуть в ответ: «Не жену! Еще не жену, господин Айдаров! Чтоб тебе икалось!»

Еще шаг и уже вторая нога становится на мой несчастный подол, ставший тряпкой грязной и скомканной, а, впрочем, я сама выгляжу не лучше, наверное...

– Ты для него ценна.

Произносит задумчиво. Явно мысли вслух, а я рассматриваю мощное телосложения двухметрового бойца с раскачанными плечами и руками, массивной шеей, но вместе с тем поджарым и сухим сложением, как у хищника. Мое безумное воображение летит вскачь, и я понимаю, что не тигра он напоминает, а, скорее, пантеру. Черную. С бархатистой шерсткой, которая скрывает литые мышцы и когти, что способны расчленивать человеческое тело одним ударом.

Я разглядываю его целую вечность, а мужчина застыл на непозволительно долгое мгновение, но на самом деле все занимает секунды. Просто я реагирую иначе.

– Помогите!

Наконец, голос возвращается, и я воплю что есть мощи. Трепыхаюсь все сильнее. Если Айдаров мне казался самым страшным, что могло произойти в моей жизни, и я страстно желала от него избавиться, то в эти самые мгновения я понимаю, что есть в мире монстры пострашнее и прямо сейчас я угодила в лапы одному из таких.

– Спасите!

Слезы катятся по щекам, но мужчина лишь прищуривается, вряд ли он способен на сострадание, он отслеживает реакции моего жениха. Я всего лишь инструмент в достижении своеобразных целей.

– Хватит кричать.

Вроде и сказал спокойно, но я резко закрыла рот, не в силах не подчиниться, ярко ощущая, что этот человек несет смерть и гибель, такой не пощадит, и почему-то ему нужна именно я.

Спустя мгновение до меня доходит, что мужчина в черном не один, с ним целая армия, которая оттеснила всех от нас.

Ему не нужен Айдаров или кто-либо из гостей. Его цель я.

Бросок, как у кобры, распутившей капюшон, смертоносный, наверное, жду, что на меня обрушится нечто страшное и размажет, но этого не происходит. Я взмываю вверх, ударяюсь о каменную грудную клетку, меня подкидывает в воздухе, воплю и оказываюсь на руках пугающего незнакомца.

Воздух выбивается из груди, у меня напрочь отнимается голос, я леденею в этой сильной хватке, меня прошибает паникой.

– Закругляемся!

Рык над головой, наполненный яростью, и все вокруг приходит в хаотичное движение. Новые непонятные хлопки и едкий дым, от которого слезятся глаза.

Рядом люди в армейской форме, они словно прикрывают главного, который тащит меня в сторону.

Пытаюсь вывернуться, трепыхаюсь, еще больше запутываясь в длинном подоле подвенечного платья. Бьюсь в сильных руках, молочу кулачками по широченной груди, но мужчина, сжимающий меня в тисках, похож на непробиваемую каменную глыбу, он не обращает на мое мельтешение внимания. Сконцентрировано смотрит вперед. За мгновение преодолевает препятствия, действуя сноровисто, резко, явно демонстрируя боевую подготовку. Обычный человек не может обладать такой пластикой и координацией движений, скоростью.

– Помогите...

Опять вырывается у меня сдавленное рыдание и незнакомец опускает на меня свои раскосые глаза, парализуя тигриным взглядом. Вблизи мне удастся разглядеть желтоватую радужку, странный цвет. Ближе даже к янтарю.

– Помо...

Прищуривается и я замолкаю. Одним взглядом принуждает замолчать.

Кого и о чем я просила, на данный момент вопрос. Я мечтала спастись. Сбежать с собственной свадьбы и избавиться от худшей участи для себя, но как там говорят? Бойтесь своих

желаний. Они исполняются. Мое исполнилось самым отвратным способом. Как в кошмарах, когда все идет наперекосяк и ты силишься проснуться, убежать, но тебя затапливает, утягивает.

Так и сейчас. Я просила о помощи, молилась, мечтала повернуть время вспять, чтобы никогда не повстречать Айдарова на своем пути, мечтала скрыться.

И вот получите и распишитесь. Мечта исполнена. Да так, что мне, кажется, легче удавиться. Зреет вопрос. Куда бежать и от кого прятаться теперь?! Ирония – наше все.

– Зачем я вам?!

Истерика выходит из-под контроля, и я кричу так, что у самой уши повторно глухнут. Меня игнорируют, не отвечая. Восточный мужчина закидывает свою ношу на сиденье автомобиля, действует стремительно, не церемонится.

Несмотря на то, что меня просто швырнули на кожаное сиденье, я быстро поднимаюсь, как загнанный в угол зверек, который пытается выбраться из ловушки. Подрываюсь и рвусь обратно, пытаюсь выбраться из машины.

Оживаю просто. На адреналине начинаю упираться ладонями, царапаться, еще больше запутываюсь в собственном подоле несуразного платья, которое становится для меня коконом, сплетаясь вокруг, и лишает возможности нормально шевелиться.

Проклятое платье!

Да и без него что бы я могла против горы мышц.

Мужчина безмолвно проталкивает меня дальше на сиденье, и я скольжу, почти упиравшись головой в ручку противоположной двери.

Кажется, я его просто достала своим мельтешением, а не причинила реальный ущерб. И по краю сознания мысль четкая и осознанная. Если бы он позволил себе грубость, я бы могла сломать шею. Мое сопротивление абсолютно бесполезно и вызывает лишь едкие слезы бессилия в уголках глаз.

Тот, кто нависает надо мной огромной черной машиной, похож на обезумевшего зверя, не приемлющего сопротивления.

То, как щурит глаза и обнажает белоснежные крупные зубы, напоминает оскал хищника, настоящего зверя, пришедшего по мою душу...

Полный раздрай. Шок. Страх. Паника.

Меня сковывает леденящим душу ужасом, когда фиксирую край татуировки на виске восточного мужчины.

– Спасите...

Опять совсем не крик, а лишь на грани слышимости шевеление губ.

Не реагирует, захлопывает дверь с такой силой, что огромный джип едва выдерживает. Быстро садится за руль и прежде, чем я успеваю дернуть за ручку, включает систему блокировки, вжимает педаль газа в пол.

– Погнали!

Командует куда-то, и приглядевшись, я понимаю, что у мужчины в ухе наушник. Не обычный, в котором слушают музыку, а специальный, особый, незаметно скользящий за ухо и шнуром уходящий под одежду.

Профессионал. Спланированная акция. Все, что здесь произошло, было хорошо организованной кампанией. Этот мужчина не оставил ни шанса хваленым охранникам Айдарова. Раскидал их буквально как щенков. Спустя миг раздается жуткий скрежет шин, визг, земля летит комьями, оглушающие звуки хлопков снаружи стихают.

Дверь захлопнута и я в западне. Все же нахожу в себе силы, подаюсь вперед и дергаю за серебристую ручку, пытаюсь вырваться, ведь меня отделяет от свободы всего лишь чертова дверь!

– Выпусти меня, псих ненормальный!

Молочу по окну кулачками и сквозь пелену слез смотрю на удаляющуюся лужайку нашего дома, где от бывшего праздничного антуража не осталось ровным счетом ничего, все вокруг, скорее, напоминает вырезку из новостей криминальной хроники.

– Вы не имеете права! Слышите!

Кричу, бьюсь об эту чертову дверь, но ничего не меняется, мужчина не реагирует, дверь не открывается, а машина уносит меня прочь в ужасающую неизвестность.

– Это преступление! Похищение! Вам статья грозит! – уже тише, не крик, скорее, истерика перетекает в более спокойную форму.

– Отпустите... – шепот, прилипаю к окну и сквозь дым и копоть ищу глазами свою семью, да, не самую дружную, но там люди, которые мне небезразличны, выхватываю взглядом папу, Настасью и Марину и благодарю бога за то, что Мотя не присутствовал здесь. Ему нельзя. И хорошо, что его не было, я бы просто с ума сошла, если бы с ним...

– Сиди смирно. Дверь бронированная. Кости себе переломаешь только, если будешь так биться.

Бесчувственное пояснение. Ничего больше, но я уже не стучу в окно, я наблюдаю за стремительно удаляющейся фигурой Айдарова, он машет руками, видно, кричит и заставляет охранников начать преследование.

А я смотрю на грузную фигуру своего жениха, на его мельтешение и у меня почему-то в сознании рождается одно единственное слово:

Спасена...

Шальная мысль. Как пуля. Но я не улыбаюсь и эйфории не чувствую. Из двух зол, как говорится. Кто знает, может, мне досталось худшее. Забиваюсь в самый угол салона, опять пытаюсь подметить детали на случай, если пригодится. Черная кожа. Дорогая обивка. Премиальная марка автомобиля. Замечаю подсветку внизу, рядом с дверью и хромированные вставки по бокам.

Достаток. Этот автомобиль принадлежит небедному человеку. Я бы посмеялась. Миллиардер украл меня у миллиардера. Может быть, это было бы смешно, если бы не было так жутко.

Забиваюсь в угол огромного салона и все время бросаю взгляды на массивный затылок моего похитителя, смоляные волосы, широченные плечи и резкие движения руля.

Отворачиваюсь и наблюдаю, как мелькают деревья за окном. Мужчина едет слишком быстро по скоростной трассе, но вместе с тем управляет автомобилем уверенно, словно привык гонять на скоростях «Формулы-1».

Облокачиваюсь горячим лбом об окно и от моего дыхания оно запотевает, а я провожу пальцем по стеклу, оставляя свой отпечаток. Руки саднит и щека щиплет. Мне бы попросить антисептик, но вряд ли его дадут, да и услышат ли?

Пытаюсь подбодрить себя как могу. Могло ведь быть хуже. Я могла бы путешествовать в багажнике своего похитителя, а учитывая скорость и виражи, хорошо если бы не получила переломы.

Смешок вырывается, и я закрываю рот рукой, чтобы сдержать неконтролируемый приступ истерики.

– Запускай грузовик и глуши дорогу.

Опять сухая команда, которую я сначала не понимаю, потом вижу, как огромная фура пересекает путь, а затем происходит еще один взрыв и машина в несколько метров поднимается передом в воздух и шмякается на проезжую часть, полностью блокируя единственную дорогу, ведущую на трассу из города.

– Отличная работа, брат.

– Работа... – повторяю заторможенно.

Я не готова принять все, что происходит. Не готова к тому, что грузовики летают от взрывов.

Отлипаю от окна и падаю на сиденье, почти на грани обморока я смотрю на брюнета, уверенно держащего руль.

Спасение...

Злая ирония судьбы, извращенная, жестокая шутка. Теперь понимаю, что не спасена, а, наоборот, вляпалась в нечто еще более ужасное...

Успокаиваюсь внешне, не кричу, но зубы стучат, тело пробивает озноб. Я тяжело переношу эмоциональные нагрузки. Хотя, наверное, как и любой другой человек, внезапно оказавшийся на поле битвы или на войне, когда снаряды летают и ты впервые видишь серию взрывов, от которых даже огромные грузовики весом в несколько тонн переворачиваются, почти достигнув вертикали, и ударяются бампером о землю, подпрыгивая еще один раз, шок совершенно нормальная реакция.

– Отпустите меня... пожалуйста...

Моя просьба нарушает звенящую тишину салона, глупо, конечно, о чем-то просить раз за разом, тем более того, кто похитил тебя с собственной свадьбы, устроив такое шоу, но я не могу иначе.

Бросает на меня взгляд через зеркало заднего вида и цедит зло:

– Ни слова. Не зли. Не провоцируй, Айдарова, если шкурка дорога.

И меня окатывает такой волной презрения напополам с ненавистью и лютой злобой, что я отвожу взгляд и сворачиваюсь клубочком на сиденье.

За что меня так ненавидят?

В чем именно я провинилась?

Прикрываю веки, глаза нестерпимо жжет, в них явно попала грязь с песком, пытаюсь не тереть лицо, чтобы не воспалить.

Промаргиваюсь и концентрируюсь на разглядывании мужчины. Не знаю почему. Может, интуитивно хочу понять этого человека, просчитать, насколько он опасен и чего от него ждать. Хотя после подобного файер-шоу...

Я могла бы попытаться напасть на незнакомца, пинаться, биться и кричать, но этим я ничего не добьюсь. Мой похититель силен и ему хватит одного удара, чтобы утихомирить меня.

Опять нащупываю ручку двери и тяну за железяку, которая с легкостью поддается, но дверь не открывается.

– Надумаешь прыгнуть на такой скорости, тебе конец. Размажет. Готова к такому исходу?

Опять этот голос, глубокий, бархатистый, от него по коже бегут мурашки и сердце спотыкается.

Отчаяние подступает к горлу. Пальцы впиваются в кожу запястий и начинают царапать нежную плоть. Привычка родом из детства. Так я отвлекала себя, когда в груди нестерпимо жгло, когда казалось, что загнана в угол.

Когда мама умерла, с ней частичка меня сгинула. Я была маленькой напуганной девочкой, которая вмиг потеряла мать и любовь собственного отца.

– *Не могу тебя видеть, Яся. Смотреть на тебя не могу, потому что ее вижу!*

Рев отца и его друг закрывает дверь в кабинет перед моим носом, отрезая меня от единственного близкого человека.

Тогда сгусток обиды зацвел в груди, разрывал меня на части, давая понять, что я оказалась для отца чем-то болезненным настолько, что он не хотел видеть собственную дочь.

Я тоже отдалилась. После тех обидных слов со мной занимались психологи, лучшие. Отец не скупился, скорее, откупался от меня деньгами, чтобы проблем не доставляла и не мельтешила перед глазами.

Он не мог на меня смотреть.

Это откровение я услышала еще раз, застыв за дверью его спальни.

Не родительской. Не той, которую они делили с мамой.

Отец оттуда съехал в одно утро. Закрыл на ключ ту дверь и больше никогда не появлялся рядом...

– Видеть ее не могу, Кость. Каюсь. Моя дочь. Моя плоть и кровь, но стоит взглянуть ей в глаза, как в груди все леденеет, Лена на меня словно смотрит... ее уменьшенная копия... не могу... понимаешь?

– Говорят, подобное лечат подобным, Голицын, – размеренный голос папиного юриста звучит наставительно как-то.

– Женись, говорю. Иначе ты скатишься, я тебя притащил раз, больше не буду. У тебя бизнес из рук уплывает, без штанов тебя конкуренты оставят, ты уже две сделки упустил. В себя приди уже.

Голос отца полон растерянности.

– Не хочу, Кость, не могу. Да и на ком?!

– Моя племянница, Марина, идеальная партия для тебя. Тоже вдова, она поймет твою боль как никто другой. Мертвые ушли, а живые должны жить...

Опускаю глаза на свои грязные руки, отнимаю ногти от кожи. Не сон. Как ни пытаюсь ущипнуть себя, я не проснусь.

Зверь на водительском сиденье реален, он не развеется, слишком лихо управляется с внедорожником, летя на небывалой скорости.

Обработав всю информацию, мозг выдает одну четкую мысль.

От этого незнакомца мне не спастись.

В мыслях время проносится быстро, меня мотает на виражах и поворотах, водитель уже давно едет не по трассе, а по какой-то ухабистой дороге.

Воспоминание о том, что я боль для собственного отца из-за того, что напоминаю мать, как это ни странно, успокаивает.

Я не виню папу, он просто слишком сильно любил и не смог свыкнуться с утратой, а Марина оказалась лицемерной и изворотливой, на людях любящая мачеха, а в доме наедине со мной сушая мегера.

– Я все расскажу папе! – кричу на мачеху от бессилия и топаю ногой. – Скажу, что ты специально смахнула вазу со стола, чтобы меня обвинить!

Высокомерная шатенка лишь скалит идеальные зубы в улыбке:

– Попробуй. Посмотрим, кому он поверит.

Он поверил не мне...

Отец просто не слышал меня и не смотрел в мою сторону. Не хотел, чтобы напоминала ему о той, которую он потерял.

А я со временем успокоилась, поняла его боль и, может даже, и свыклась...

Моя сводная сестра перетянула все внимание отца на себя, а я справилась с ревностью и привыкла. Невидимкой быть легче. Боли меньше, а потом появился Матвей... и мой мир изменился. Он стал самым близким, самым дорогим и любящим.

– С моим сыном что-то не так, Витя! Сделай что-нибудь! – рев Марины с первого этажа был слышен, наверное, не только в детской, но и в соседнем доме, а я впервые стояла у люльки брата и гладила маленькую ручку, которая с силой схватила меня за указательный палец, и я заглянула в необыкновенные васильковые глаза, пустота в душе заполнилась. Я встретила самого близкого душе человека. Еще совсем крохотного, слабого, но родного...

Марина плохо перенесла вторую беременность, чуть не умерла при родах, и мой брат родился слишком тяжело, получил травмы, которые сделали его нуждающимся в особом уходе и его жизнь напрямую зависит от оплаты счетов.

Стоит вспомнить брата, как в глазах щиплет. А щеке становится мокро, но я опять засыпаю, и сквозь дрему слышу, как мой похититель говорит с кем-то.

– У меня. Я видел его глаза. Да. Ему было страшно...

– Вопрос решен. Рулетка запущена. Слишком долго ждал.

Веки тяжелые, не поднять, чтобы увидеть варвара, похитившего меня. Я лишь ловлю себя на том, что у него приятный голос, с легкой хрипотцой...

Опять проваливаюсь в сон, но следующее мое пробуждение становится слишком будоражащим.

Машина резко тормозит. Чуть не сваливаюсь с пассажирского сиденья и больно бьюсь головой о дверь, которая распаивается и меня крепким захватом тащат наружу...

Глава 3

– Выходи, невеста, – бросает резко, заставляет выбраться из машины и встать на дрожащие ноги, окидывает меня внимательным взглядом слегка шурясь. Вызывая дрожь по всему телу. Слишком у него глаза пустые, бесчеловечные какие-то, ни сострадания, ни жалости, только злость и то вспышками, когда он теряет контроль.

– Послушайте, ну зачем я вам?!

Скулю, когда он берет меня за руку, держит крепко, но тем не менее не причиняя вреда, если бы не эта сильная рука, я бы наверняка наворачнулась на своих шпильках.

– Прошу, отпустите...

Не реагирует. Озираюсь по сторонам в поисках хоть одного человека, хоть маленького знака, что рядом есть люди, но нет. Мы на пустыре в центре какой-то глухомани.

– Помедленнее. Я не успеваю.

Рывкаю, когда неудачно нога запутывается в пышной юбке и я чуть не падаю. Подхватывает меня за талию свободной рукой, словно я пушинка, и оторвав от земли, проносит весь оставшийся путь до другого автомобиля, припаркованного под сенью деревьев.

Останавливается, замирает, отпускает меня и рассматривает местность. А я дергаюсь в сторону, улучив момент, когда меня отпустили, но ошибаюсь. Я в своем громоздком свадебном платье совершенно неповоротлива, а мой похититель обладает слишком быстрой реакцией. Вскидывает руку не глядя и ловит меня за локоть, тянет на себя и я влетаю в его каменное плечо.

Разворачивается стремительно, по-кошачьим плавно.

– Молчи. Не делай резких движений. Целее будешь.

Поднимаю голову и смотрю на него в упор. Притягательная внешность, небольшая борода и улыбка, неожиданная, дикая, придающая мужчине еще более агрессивный вид.

Я от него взгляда оторвать не могу, даже моргнуть не получается, словно под гипнозом из-за ужаса и страшного предчувствия, от которого сердце бьется о ребра в неровном рваном ритме.

– Я ни в чем не виновата...

Шепчу в ответ, но незнакомец лишь сужает глаза, скорее всего, демонстрируя, что я его напрягаю одним своим существованием, поворачивает голову, смотрит вдаль, а я замечаю, что у него на виске черная вязь татуировки, которая практически достигает шрама на брови.

Завораживает. Сумасшествие, но у меня пальцы колоть начинает от желания потрогать эту странную вязь и росчерк на брови, который спускается к веку и, наверное, это чудо, что, получив подобное увечье, его глаз не пострадал.

Тяжело сглатываю горький ком, меня сшибает агрессией, которую вижу в этих раскосых омутах.

– У тебя слишком явный интерес во взгляде, – бросает иронично и колко, обидно как-то, и я опускаю взгляд на свое подвенечное платье, которое сейчас походит на огрызок половой тряпки.

Цепляет мой подбородок, заставляет приподнять голову, а я начинаю тихо плакать от напряжения, слезы сами текут по щекам.

Встречаюсь с янтарным взглядом и на краткий миг мне чудится, что на дне этих раскосых глаз проскальзывает сомнение. Незнакомец проводит пальцем по моей скуле, словно цепляет слезинку. Становится не по себе от секундного касания грубых подушечек к коже, но мужчина лишь стирает грязь и копоть, которые явно оставили следы на мне.

Смотрит мне в глаза и мне почему-то кажется, что сейчас между нами возможен диалог, но уже в следующую секунду я чуть не падаю от злых слов, которыми он в меня пуляет, как дротиками:

– Хорошо повеселилась вчера в клубе, да, невеста?

– Я... откуда вы... следили за мной?!

– Когда я разрабатываю операцию, я держу на контроле все, и твоя вечерняя прогулка заставила моих людей напрячься.

– Мало того, что ты похитил меня, ты мне еще и претензии сейчас высказываешь?! – кричу и топаю ногой в негодовании, а он, кажется, звереет, приближает свое лицо к моему настолько близко, что я вижу темный ободок на радужке.

– Для дорогого себя продавшей девицы, отжигающей, пока старикан спит, ты слишком разговорчива.

Чуть не падаю от обидных слов, которыми в меня пуляют, как дротиками. Беспомощно открываю и закрываю рот, но мой похититель не обращает на меня никакого внимания, он окидывает всю мою застывшую фигуру цепким взглядом, затем неожиданно быстрым движением наклоняется, заставляя меня почти отпрыгнуть в страхе и замереть от ужаса.

– Не нужно, я прошу...

Пытаюсь отойти, но он держит мое предплечье, наклоняется ко мне. Он совсем близко, настолько, что в ноздри ударяет запах, острый, взрывной, с примесью сандала. От его тела идет жар, который я чувствую обострившимися от паники рецепторами.

Трудно дышать, воздух обжигает ноздри и корсаж платья душит. Мужчина скользит взглядом по моему лицу, угрожающе сдвигает брови на переносице.

Необыкновенный, экзотический и в то же время зловещий в своей природной агрессивности. Не думала, что даже в таких условиях могу оценить хищника, возвышающегося надо мной на полторы головы.

– Подол слишком длинный, ты навернешься.

– Какая забота!

Улавливает мою иронию, смотрит с ненавистью и злобой, но даже под напором подобных чувств притягивает, как хищник, которого нестерпимо хочется погладить ценой невероятных потерь.

Похоже, я перед лицом смерти немного чокнулась, раз не могу не восхититься его зловещей красотой.

– Зачем я вам, зачем выкрадывать... – севший голос выдает панику, язык с трудом подчиняется.

Глаза наполняются слезами. Не выдерживаю его решительности и непоколебимости тяжелого взгляда, опять смотрю на замершую на моем предплечье руку, красивые смуглые пальцы с аккуратными лунками ногтей обхватили привычно, без напряжения.

Подается вперед.

– Не надо...

Шепотом и в последний раз смотрю в тигриные глаза, сдаюсь, не находя отклика, прикрываю веки, готовая принять удар.

Леденею в ужасе, секунда промедления и я чувствую, как рвется подол и мне становится легче, уходит тяжесть. Разлепляю глаза и вижу, как комком на земле валяется грязный шлейф моего подвенечного платья.

– Не благодари, – подмигивает иронично, а я опять смотрю в лицо мужчины, избавившего меня от тяжелой материи.

– Ты ненормальный... – выдыхаю шокировано в то время, как варвар кривит губы в улыбке.

– Мне говорили. Пошли.

Тащит меня к еще одному темному автомобилю – гиганту, похожему на танк на колесах. С огромными фарами на крыше. Почему-то я сейчас уверена, что и эта машина бронированная.

Слишком продуманно все для простого похитителя.

– Я никуда с тобой не пойду!

В ужасе дергаюсь, пытаюсь вырваться, каблучки подкашиваются на мягкой земле, едва не падаю, устав от моих телодвижений, мужчина резко подхватывает меня и закидывает на плечо. Дух выбивает от удара. Нечеловеческая сила, ощущение, что меня приложили о бетон.

– Айдаров отовсюду пел, что в женщине ценны кротость и подчинение, что нашел себе покладистую жену, а я смотрю, этот индюк дальше носа не видит, фурию выбрал.

– Так я еще и виновата?! Не похищал бы! – рявкаю так, что в ушах звенит.

– Ни звука.

Приказом и сильная рука фиксирует за колени. Сразу затихаю. Под слоем юбок меня не должно было прожечь от подобного прикосновения, но тем не менее все тело простреливает и дыхание сбивается то ли от проклятого корсета, который впился в ребра, то ли от мужчины и его хищных повадок.

– Смотри-ка, замолчала, чудо просто...

Так и вертится на языке колкое слово в ответ, но я просто не успеваю ничего сказать...

Несколько шагов и меня вновь бросают на кожаное сиденье бронированного автомобиля. На этот раз падаю неудачно и юбки задираются, демонстрируя восточному мужчине больше позволенного.

От смущения пульс сходит с ума, бешено бьется в висках, быстро прикрываюсь, но мой похититель словно и не смотрит на меня, лишь на секунду глаза царапают ледяным презрением.

С силой шваркает дверью и вновь садится за руль, раздаётся характерный щелчок, оповещающий, что выход заблокирован, а я бросаю ненавидящий взгляд в его сторону. Хочется отползти, забиться в самый угол, лишь бы быть дальше от восточного мужчины. Его мотивы мне непонятны.

– Вы так и будете играть в молчанку? – шиплю зло, но меня игнорируют.

Поначалу силюсь запомнить, куда именно он нас везет, но с наступлением сумерек это становится невозможным. Ясно, что меня вывезли в какую-то глухомань, где даже нормальных дорог не водится.

Наконец, спустя длительное время, когда я успеваю вновь задремать, машина останавливается. Быстро сажусь и прилипаю к окну. Не ожидала я увидеть огромный забор и ворота, у которых ненадолго останавливается водитель, но уже спустя короткое замедление варвар въезжает во двор.

– Ничего себе...

Выдыхаю, до конца не веря, что то, что вижу, реально. Несмотря на неприметность снаружи и глухую стену по периметру, изнутри все смотрится довольно-таки массивно.

Я ожидала, что меня привезут в какую-то лачугу, иного в этой местности быть не должно, но то, что я вижу, ошеломляет. Мой похититель явно не бедствует. Но почему-то он решил отгрохать имение в этом богом забытом месте, а не в центре мегаполиса.

– На выход, невеста! – командует.

– С места не двинусь, пока не объясните, куда вы меня привезли!

Оборачивается и сканирует меня цепким взглядом.

– Забавно...

У него очень интересная мимика, когда мужчина сбрасывает маску отчужденности.

– Послушайте, я не понимаю, что происходит и зачем я вам, но я уверяю вас, что за меня...

– Денег предложишь, чтобы отпустил?! – перебивает резко, иронично приподняв бровь. Насмехается явно надо мной.

Опять бросаю взгляд на надежную каменную постройку, рядом с которой мы остановились. Вокруг высокий каменный забор. Такой не перелезть. Похоже на бункер или укрепленный форт. Черт знает что, короче!

– Вы в них не нуждаетесь, – отвечаю твердо и вызываю еще большую усмешку на лице.

Прищуривается, сканирует меня своим острым взглядом.

Не ожидал, что я до сих пор могу связно мыслить?!

– Если не нужны деньги и выкуп, то зачем тогда я вам?!

Мысли вслух, можно сказать. Не ожидаю, что мне ответят, но мой похититель внезапно выдает:

– Месть. Ты отличный инструмент. Верный.

– Почему?! Я...

Не успеваю задать очередной вопрос, незнакомец выходит и, быстро открыв дверь, хватая меня за руку, заставляет выйти из машины, упираюсь, начинаю биться и кричать.

В ответ на мой визг слышу лай собаки. Злой. Страшный. А когда вижу, как огромная псина на длинной железной цепи бежит в нашу сторону, демонстрируя оскал, рык, прижимая уши к голове, явно не выказывая особой радости по поводу моего появления, я, кажется, шепчу вмиг осипшим голосом:

– Мамочки...

Столбенею, готовая к нападению, но мой похититель лишь грозно рычит:

– Сидеть.

Не хуже этого монстра рык, я бы сказала, и как по волшебству, даже не сбавляя скорость бега, огромный ротвейлер шлепает свой зад на землю.

– Будешь непослушной девочкой, пойдешь псу на корм.

В шоке открываю рот. У моего похитителя очень своеобразное чувство юмора.

Он ведь пошутил сейчас, правда ведь?!

– Вы же не серьезно?

Варвар не замечает моего тихого возгласа и опять отдает приказ большущей злой псине, которая сверлит меня своими черными глазищами.

– Сторожить.

Тихий “гавк” в ответ, а у меня рот открывается. Нереальное подчинение животного. Здесь только один грозный хищник и я в его руках, все остальные отскакивают с его пути, как мячики, ударившиеся в стену.

Замечаю, как рядом с домом проходит мужчина, по выправке похож на военного, что ведет дозор. Территория охраняется не только псом. Здесь явно бункер.

– Послушайте, это все уже как-то слишком. Я не дочь президента! Денег на выкуп нет, а мой отец не сможет вам ничем помочь, слышите?!

Не обращает внимания на меня, чеканит шаг, идет вперед, а я буксую, торможу, упираюсь, ломая каблучки о брусчатку, которой выложена дорожка, ведущая к дому.

Открывает незапертую дверь, демонстрируя богатый холл в темных тонах. Здесь сплошное дерево. Массивная мебель и камин в самом конце залы.

На полу красивый орнамент, похоже на мозаику, но я не успеваю особо все рассмотреть. Варвар идет, не сбавляя шага, приходится тащиться за ним. Поднимается по лестницам на второй этаж и толкает дверь.

Заходит в помещение, не выпускает моей руки и заставляет следовать за ним.

Ударяет по выключателю и свет озаряет пространство. Мы в спальне.

Из мебели здесь сразу же бросается в глаза огромная кровать, тарашусь на нее в шоке, белоснежное шелковое покрывало вызывает ужас настолько сильный, будто там на поверхности змеями все кишит.

– Я здесь не останусь!

Разворачиваюсь резко, смотрю на кровать, потом на огромного мужчину, застывшего в дверном проеме. Сейчас под ярким освещением мне удастся разглядеть его гораздо лучше и страх вызывает даже запоздалое понимание, что он не был в маске.

Изначально этот человек не скрывал своего лица, наоборот, демонстративно все провернул, словно что-то доказывая кому-то, или показывая, что не боится, не скрывается, словно ему нечего терять...

– Я не знаю, кто вы и зачем все это. Прекратите меня пугать!

Медленно закрывает дверь, и эта вальяжность его движений, спокойствие – они меня доводят до состояния панического ужаса.

Трясусь словно осиновый лист, зубы стучат, и я осознаю, что мерзну, мне холодно стоять под прицелом раскосых глаз.

Этот мужчина беспощаден, огромен, ловок. От него веет силой. Нет сострадания. Во всяком случае, ко мне.

Наверное...

Не знаю...

Я чувствую зловещую энергетику, исходящую от него, когда он брезгливым взглядом окидывает мое свалившееся, когда-то прекрасное платье и смотрит в измазанное грязью лицо.

– Ванная, – кивок в сторону еще одной двери. – Ты мне дом испачкаешь...

Так и хочу крикнуть: «Хам! Все из-за тебя же».

Бесит!

– Не пойду, – отвечаю, гордо вскинув подбородок, и взгляд варвара меняется...

– Разденься, прими душ, смой с себя копоть, грязь, и возвращайся.

Сжимаю руки в кулаки, опускаю взгляд на измазанный зелено-коричневый лиф платья, кажется, где-то есть багряные пятна, хотя здесь явно все цвета радуги найти можно...

Сухая корка сковывает и тянет кожу рук, саднит, чешется и, в общем-то, мужчина мне ничего сверхъестественного не говорит. Сама вижу свое состояние, но перечу из принципа.

– Я не сдвинусь с места, пока вы мне не объясните, что происходит и зачем я вам. Зачем следить за мной? Выкрадывать? Я вас вообще в первый раз в жизни вижу и уверена, что не успела совершить ничего такого, чтобы быть вовлеченной в этот беспредел!

– С тебя грязь падает на ковер. Ванная там, – поднимает массивную руку с бугрящимися мышцами и пальцем показывает на дверь.

Выпрямляю спину, поднимаю подбородок и смотрю в звериные глаза варвара, как в омут бросаюсь, произнеся с вызовом:

– Выйдите!

Желтоватые глаза вспыхивают, словно кто-то бросил спичку в горячее и я, наконец, осознаю, что сейчас точно дернула тигра за усы слишком сильно...

– Пожалуйста... – добавляю совсем тихо, мой голос дрожит, потому что варвар не реагирует.

Сжимаю кулаки, все равно не собираюсь ничего делать из того, что приказал похититель.

Задерживает взгляд, отходит и садится в кресло, вытягивает длинные ноги, а я смотрю на его берцы, точнее, на рукоять. Шальная мысль обзавестись оружием затухает едва вспыхнув.

Я видела его в действии, не стоит даже надеяться, не успею пошевелиться, как уже буду нанизана, наколота на это лезвие.

– Подойди ко мне. Сама.

В его глазах горит лютая ненависть, ярость. Лицо красивое, но глаза каре-желтые, звериные и в них бездна. Решимость.

– Не провоцируй.

– Послушайте, я... не причиняйте мне вреда, прошу вас, я ведь ни в чем не виновата. Я ничего ужасного в жизни не успела еще сделать, чтобы...

– Подойди.

Повторяет, не реагируя на мои сбивчивые объяснения. Я думала, что нет в мире человека более жестокого, чем мой жених. Ошибалась. Есть. Вот он сидит вальяжно в кресле, даже в таком положении видно, насколько высокий, мощный в плечах, и черная экипировка лишь подчеркивает агрессивную красоту, дикость и ярость, которая вспыхивает и затухает в раскосых глазах.

– Я не буду раздеваться, пока вы тут.

Сказала и сама ужаснулась. Вся жизнь проскользнула перед глазами. И я поняла, что ничего у меня за все прожитые годы значимого не случилось.

За секунду вспомнились последние объятия мамы и смех отца из времен, когда он еще не замкнулся. Его любимая была жива, а дочка радовала глаз.

А затем пустота, смерть, одиночество растянутые во времени, и лишь два воспоминания, которые всколыхнули душу. Грязный комок, подобранный на улице, превратившийся в толстого наглого кошака, который изредка дается в руки, и безграничное ощущение счастья, когда в моей жизни появился Матвей.

Мимолетная радость, когда поступила в институт. Вот, собственно, и все воспоминания кадрами перед глазами.

– Хорошо. Я тебя понял.

Нарушает молчание варвар и одним плавным движением встает из кресла, приближается, мягко ступая, пока я пячусь, наконец, упираясь лопатками в стену.

– Я не буду...

На лице мужчины не дрогнул ни один мускул, но глаза горят, они живут своей жизнью и этот взгляд я, наверное, запомню до конца жизни, ну то есть еще на несколько секунд, потому что с таким лицом убивают. Чувствую это. Когда ты на волоске, ты буквально осязаешь, как струна лопается, и ты летишь в пустоту.

– Что вы за человек такой?!

Слезы душат, ресницы дрожат, а мужчина напротив уверенно, слишком спокойно поднимает руку. Страшно становится. Хотя, казалось бы, я напугана до предела, но сегодняшний день показывает мне, что границы всегда можно расширить, и когда думаешь, что хуже не будет, ты понимаешь, что ошиблась.

Поднимаю голову, почему-то с отчаянием приходит и отвaga, я хочу смотреть в глаза того, кто способен по щелчку пальцев лишить меня жизни, не могу оторваться от этих омутов, меня затягивает. Мужчина слишком красив, и взгляд темный, непоколебимый, хочу прочувствовать хоть толику сомнения, шепотку сострадания, но там стена, барьер, не достучаться.

Мушки начинают плясать перед взором, это хорошо, кажется, я на грани того, чтобы свалиться в обморок, но спасительное забвение не наступает.

– Подчинись.

Проговаривает ровно.

– Что вам от меня нужно?

– Первая брачная ночь по праву моя!

В ужase сглатываю несуществующую слюну. Не верю в то, что слышу.

– Что за бред?! Я ничего вам не должна.

Восточные глаза незнакомого мне мужчины наполняются дикостью.

– Не ты. Твой жених задолжал мне целую жизнь. Теперь Айдаров ответит за все.

– Но при чем здесь я?! – просто не понимаю логики событий. – Если вам нужен был мой жених, он был у вас как на ладони...

– Слишком просто.

Прищуривает глаза, нависает, вдавливая меня в стену, не дает дышать.

– Кто вы?! – наконец, выдавливаю из себя.

– Монгол, – он проводит грубым пальцем по моим губам, почти нежно. – Ты не вернешься в дом отца, запомни. По традиции моего народа невеста должна быть девочкой. Вот сейчас и проверим. Снимай платье...

Глава 4

Он подается вперед, молниеносно, быстро, склоняет голову, словно приноживается. От него веет угрозой, штормом, который завертит меня в своем буйстве.

Сжимаю кулаки и твердо проговариваю одно-единственное слово:

– Нет.

Кажется, что выстрелом прозвучал мой отказ. Тигриные глаза с расширенными зрачками полыхают.

Вжимаюсь в стенку и отворачиваю голову, чтобы хоть как-то отдалиться от мужчины.

– Неправильный ответ, – рокотом в самое ухо и крепкие пальцы хватают меня за подбородок и заставляют посмотреть пристально в звериные глаза и внутренне восхититься необыкновенной красотой моего палача.

Засматриваюсь на шрам, пересекающий бровь. Кривой росчерк опускается на самое веко, словно ему хотели повредить глаз лезвием. Быть может, когда-то рана была страшной, но сейчас побелевший шрам придает этому лицу мужественную красоту.

– Упрямая...

Бархатный голос, совсем не враждебные интонации. Я, наверное, схожу с ума, но не могу оторвать взгляда от породистого лица с массивной челюстью, ярко выраженными скулами и опять смотрю в глаза раскосые, янтарные.

Сумасшествие длится мгновение, а рука на моем подбородке совсем не давит, шершавые подушечки сильных пальцев словно начинают ласкать.

– Просто отчаянная.

– Твой ответ для меня неприемлем.

Отпускает меня, проводит рукой по своим волосам, принимает решение. Не знаю. Наблюдаю. Монгол способен переломить меня на две части не напрягаясь, но я набираюсь небывалой дерзости, и подстегиваемая каким-то внутренним фанатичным неверием во все происходящее, бросаю коротко, с вызовом:

– Единственный, который я могу вам дать, и слова своего не изменю.

На мгновение его лицо преображается, добавляется какая-то игривость. Взгляд меняется, опять перерождается.

– Посмотрим.

Бросает коротко и накрывает мои губы страстно, дико, сминает так, что я не могу вдохнуть. Яростное нападение. Горько-сладкое, пряное. Порочное. Неправильное. Воздух в легких закончился, колени слабеют и меня будоражит вкус поцелуя, заставляющий сердце биться в рваном ритме.

Хватка на ребрах с каждым мгновением все сильнее. Монгол притискивает меня к себе так, что перед закрытыми глазами искры вспыхивают и затухают, голова кружится, наверное, мне просто не хватает воздуха, его у меня отнимает неистовый, дикий поцелуй и мужчина, огромный, сильный настолько, что я четко понимаю, что ему не нужно оружие, чтобы навредить, достаточно просто сжать чуть сильнее пальцы и он переломает мне ребра.

Его губы хозяйничают все более жадно, невыносимо, взрывая в крови странные искры неизведанного прежде вождения.

Становится странно, меня пугает власть, которую незнакомец имеет надо мной, его огонь, который жидкой ртутью проникает в меня, и плавит, ласкает.

Рык мне в губы действует как триггер, сознание вспыхивает предупреждением, и я с силой вонзаю зубы в его губу, кожа лопается.

Отстраняется, а я сжимаюсь, ожидая ответной реакции, наказания, но ошибаюсь. Опять.

Варвар запрокидывает голову и смеется...

Замолкает резко.

– Невероятно...

Отшатывается от меня и смотрит дико, в глазах ад, он злится, должен взречься, опускаю взгляд на прокушенную нижнюю губу с капелькой крови, а сама облизываю собственные уста, все еще чувствуя его вкус горько-острый, сладостный, со стальной ноткой послевкусия.

– Отпусти меня. Я хочу к своей семье. Мотя не сможет без меня, мы ни разу надолго не расставались. Я должна увидеть брата, я не хочу быть здесь. Это все похоже на какой-то дикий розыгрыш. Все кажется, что сейчас проснусь. И кошмар закончится.

– Так хочешь вернуться в руки женишка?! – спрашивает вроде и спокойно, но на дне глаз что-то проскальзывает темное, злое.

– Не хочу я к нему! – отвечаю пылко.

– Тебе ничто уже не поможет, невеста.

В хриплом голосе приговор и я кричу в отчаянии, пораженная собственными эмоциями и той непозволительной тягой, которую ощущаю. Ловит меня за предплечье, пытаюсь выкрутиться из сильной хватки, ударить, ломаю об него ноготь, всхлипываю от боли.

– Угомонись уже.

Рывкает зло, но я не слышу, пытаюсь вырваться, но добиваюсь лишь того, что корсаж моего истрепанного платья рвется.

Монгол резко вскидывает голову, делает шаг назад прежде, чем я успеваю поднять руки и прикрыться, карие глаза полыхают, темнеют, видно, мужчина успел заметить, что скрывалось под тонким кружевом платья...

Опять поднимает руку и запускает в свои волосы, а я смотрю на смуглые длинные пальцы и замечаю на безымянном и мизинце два платиновых кольца-близнеца, которые блеснули, отразив свет.

Что-то в этой паре колец царапает мое восприятие, но я не успеваю обдумать, что именно меня так насторожило.

Молчание затягивается. Мужчина напротив просто смотрит. Не двигается. Но в его взгляде я читаю, что порядком успела его достать своими закидонами.

Ну так я ходячее бедствие. Не новость.

– Послушай, невеста...

– Меня зовут Ярослава, – поправляю на автомате, – у меня есть имя.

– Чую, с тобой будет весело.

– Так отпустите меня и проблем станет на одну непутевую меньше.

Игра в гляделки длится недолго. Спасает телефонный звонок. Мужчина вытаскивает гаджет, хмурится, взглянув на экран.

– Слушаю.

Фокусирует свой тигриный взгляд на мне, а я, как загнанный в угол зверек, наблюдаю за его движениями, размеренными, спокойными. Рассматриваю массивную грудную клетку, обтянутую черной тканью, перекачивающиеся мышцы выдают в нем силу, уже знаю, что и на ощупь он как камень. Идеальная фигура с узкими бедрами и длинными ногами, никакого жира. Машина, которая взяла себе целью мое уничтожение. Как знать.

– Сейчас буду.

Выключает телефон и прячет его в карман. Опять бросает на меня долгий взгляд и разворачивается резко, направляется на выход, но прежде, чем выйти и запереть меня в комнате, бросает спокойно:

– Советую воспользоваться душем. От тебя несет Айдаровым.

Дверь хлопает, а я беру первое, что попадает под руку, и с силой швыряю ему вслед. Статуэтка разлетается на множество мелких осколков, а я цежу все ругательства, которые только знаю.

– Нахал! Я тебе еще устрою веселую жизнь!

Дверь закрывается и щелчок оповещает о том, что я заперта. Подлетаю и дергаю увесистую бронзовую ручку. Не поддается. Оборачиваюсь, ударяю каблуком туфли ненавистную преграду.

– Во что ты вляпалась, Ярослава?!

Оторопело рассматриваю пространство, спальня роскошна. Здесь уютно, обжито как-то. Опять смотрю на широкую кровать, накрытую атласным белоснежным покрывалом. По бокам стоят тяжелые тумбы с резным орнаментом и со светильниками.

От одного взгляда на почти брачное ложе по спине проходит холодок. Срываюсь с места, подлетаю к окну и смотрю во двор. По периметру горят фонари, чуть поодаль возвышается стена, служащая ограждением.

– Даже если выпрыгну со второго этажа и чудом не переломаю себе ноги, перелезть через забор мне не по силам...

Выдыхаю обреченно и отшатыриваюсь, прячась за занавеску, когда вижу страшную монстрообразную псину, пробегающую вокруг дома.

Разворачиваюсь резко, быстро, ощущение загнанности, страха подстегивает. Ком подстывает к горлу.

Сегодня утром я была готова к своей участи, добровольно шла в жены Айдарову, а сейчас...

Пальцы намертво вцепляются в разорванное платье. Захлестывают злость, негодование и ярость на себя за то, что впервые один лишь поцелуй проклятого варвара вызвал трепет в моей груди, противоречивый, непозволительный.

Взгляд фокусируется на деревянной двери, наверняка ведущей в ванную, бросаюсь туда, хочу умыться, привести себя в чувство, но стоит только заскочить в пространство, как столбею, увидев свое отражение в зеркале.

Накладные ресницы сделали глаза похожими на кукольные, сурьма увеличила и придала объема, стрелки на восточный манер размазались. Утром я сама на себя не походила, а сейчас макияж потек и лицо превратилось в карикатуру на клоуна, перепачканного сажей.

Волосы похожи на свалывшийся колтун, все лицо в грязи, и на щеке виднеется ссадина. Ворот платья изодран, как, впрочем, и лямка бюстье, что дает обзор на пикантные подробности.

Плачевный вид. И на всем этом фоне выделяются губы, истерзанные первым в моей жизни угорелым поцелуем со зверем, который вырвался из ада и решил разодрать меня в клочья...

Кровь вскипает от одного воспоминания, как мгновения назад жесткие руки ласкали, приходясь по моей спине, врезаясь в позвонки, не давали отстраниться, как твердые губы поглощали мои всхлипы.

– Это не со мной происходит, не со мной...

Глупо, но я щиплю себя за запястье, чтобы очнуться, проснуться в другой реальности, где нет места ничему из того, что прямо сейчас происходит со мной, а затем врубаю кран и умываюсь, сдираю проклятые метровые ресницы, смываю макияж, раз за разом, пока не уничтожаю все следы былой маски.

Рассматриваю стесанную щеку – сейчас это меньшее из моих бед.

– Что мне делать... как быть...

Монгол предложил сходить в душ?

Пожалуй, исполню приказ.

По-своему...

Опускаю взгляд на раковину. Так и подмывает устроить бунт, как в детстве. Заткнуть сток обрывком платя и врубить воду. Устроить потоп. В знак протеста.

– Кого ты обманываешь, Яся?

Грустная улыбка трогает губы, шок проходит, запал безудержной отчаянной храбрости гаснет.

– Что я выиграю, если разозлю варвара?!

Плечи опускаются. Руки падают вдоль тела. Провожу пальцами по изодранной тряпке. В богатой мраморной ванной я действительно ощущаю себя грязной, раздеваюсь и становлюсь под душ.

Делаю воду горячей, даже слишком. Беру не глядя тюбик с гелем, раз за разом провожу пальцами по раскрасневшейся от пара и огненных струй коже, растираю пенку по ладоням, отскребаю грязь, хочется содрать с себя все, что напоминает о случившемся.

– Я справлюсь.

Пытаюсь отмыться от страха, боли и запаха гари, который забился в ноздри, его не перебивает даже гель с ароматом кокоса.

Воспоминания царапают лицом отца, когда он передавал меня в руки жениха. Его глаза, полные отчаяния.

Только единожды я видела такой затравленный взгляд, когда мамы не стало. В день свадьбы дочери он вновь стал таким же разбитым и уничтоженным.

Мне казалось, что папа меня вычеркнул из своей жизни, что нет у него чувств, а теперь увидела, прочувствовала, поняла...

Иногда человек отдаляет воспоминания, чтобы выжить, чтобы не сойти с ума...

Кожа краснеет, распаривается, а я ногтями провожу, оставляя борозды, теряю всякую связь с реальностью, теряюсь во времени. Плачу горько, давлюсь слезами, всхлипами и враз леденею под огненными струями, когда слышу позади бархатный злой голос:

– Выходи.

Глава 5

Как и когда он оказался здесь?!

Резко разворачиваюсь, волосы облепляют лицо, лезут в глаза, ударяюсь спиной в стену душевой кабины, смахнув все, что там было, когда в клубах пара различаю черный зловеющий силуэт огромного мужчины.

Быстро хватаюсь за полотенце, которое лежит на противоположной полке, и прикрываюсь, жмурюсь, когда протягивает руку, сжимаюсь вся, но Монгол меня не трогает, вода выключается. Понимаю, что он всего лишь завернул вентиль.

– На выход.

Повторяет, как робот, и я распахиваю глаза, чтобы вновь встретиться взглядом с монстром, похитившим меня.

– Ты долго в душе.

Он занимает собой все пространство, огромный, нависающий, и рядом с ним я чувствую себя слишком мелкой, незначительной и абсолютно голой...

Желтовато-карие глаза проходятся по мне медленно, лениво, изучающе, и останавливаются на мокром полотенце, облепившем меня, как вторая кожа. Взгляд у него становится хищным, необузданным.

Слишком мужским и откровенным.

– Отойди, чтобы могла выйти...

Чудо, что мне удастся выговорить фразу, но Монгол не шевелится, так и стоит, нависая горой, рассматривает, и в глазах вспыхивает что-то странное. На долю секунды кажется, что он сдерживается, чтобы не пришибить меня. Там ненависть плещется и жажда, голод зверя, который все равно возьмет свое.

– У тебя красивое тело. Невестушка.

Пренебрежение в каждой букве.

Наглый до невозможности. И голос такой, что у меня на загривке волосы шевелятся. Ни один мускул не дрогнул на суровом скульптурном лице, в глазах не отразилось ничего, кроме леденящего душу блеска.

И я отворачиваюсь от него, становлюсь спиной, чтобы избежать этого взгляда.

– Стоило отмыться, чтобы понять...

Проговаривает прямо мне в затылок. Тело покрывается мурашками, хоть вся ванная комната в пару. Я долго стояла под огненными струями, но меня ломает от озноба, как если бы сейчас у меня был жар.

– Плохая попытка спрятаться.

Хватает за локоть и заставляет повернуться вокруг своей оси. Волосы облепляют, колют глаза, но пальцы насмерть вцепились в полотенце, и я не могу отодрать руку, чтобы хотя бы смахнуть их с лица.

– Всяко лучше, чем с великовозрастным кувыркаться. Ты ведь знала, на что шла. Тебе понравится.

– Нет, – отвечаю совсем тихо и понимаю, что бессильна, мокрое полотенце не спасет от грозного мужчины напротив. Я в его полной власти.

Монгол не побоялся пойти против одного из самых влиятельных людей нашего города, более того, он прилюдно нанес ему оскорбление, ударил по самолюбию, продемонстрировал, что Айдаров, который практически уничтожил бизнес отца и вогнал его в долговую петлю, ничего не значит...

Есть хищники куда опаснее.

– Все по сто раз повторять приходится, – выговаривает зло.

Протягивает крепкую руку, теряя терпение, а я кусаю губу, чтобы сдержать рыдание, потому что кажется, что он сейчас вырвет из моих рук потяжелевшее полотенце.

Но случается нечто неожиданное.

Как в замедленном кадре Монгол наклоняется, притихаю моментально, когда он тянет меня на себя за плечо, а затем... проводит рукой по моему лицу, убирая пряди...

Касание пальцев к влажной коже. Простое движение, но оно вызывает во мне мучительное томление, заставляет притаиться, пока мужские брови сходятся на переносице. Взгляд Монгола на миг становится потрясенным какими-то, потерянным, он проводит пальцами по моим скулам, дергаюсь, хочу выскользнуть, но сильная рука все еще лежит на моем плече, пока другая исследует, изучает, ласкает.

Трогает поцарапанную щеку, всхлипываю и тяну носом воздух, чтобы опять не угодить в истерику и не зарыдать.

– Не может этого быть...

Мужской голос глухой, низкий. Монгол заглядывает мне в глаза, а я стою, запрокинув голову, всматриваюсь в настоящего гиганта, рядом с которым я практически незаметна.

– Надо обработать щеку и приложить лед, иначе получишь воспаление.

– Что?! – удивленно пишу. Как-то не вяжется все, что происходит между нами, с этим заявлением.

– Не заставляй меня ждать.

Разворачивается и выходит, а я переминаюсь с ноги на ногу и смотрю вслед мужчине.

Закрываю глаза и прихожу в себя от пережитого, отбрасываю мокрое полотенце в сторону, и оно падает, тяжело шлепаясь о мраморный пол, ищу халат или хоть что-нибудь маломальски напоминающее одежду. Платье валяется рядом с раковиной грязным куском покореженных кружев.

Беру новое полотенце и обматываюсь, немного подумав, прихватываю еще одно и накидываю на плечи. Я бы сейчас, наверное, и в мешок с головой завернулась, чтобы только раскосые глаза не смотрели так на незащищенную голую кожу.

Выхожу из ванной и застываю в шоке, когда вижу, что мужчина сидит на кровати. Не в кресле. Которое здесь есть, а именно на кровати.

Желтовато-карие глаза насмешливо проходятся по моей закутанной в пару полотенец фигуре.

– Больше полотенец не было? Могла бы еще в парочку завернуться.

Дает понять, что оценил мое нежелание быть обнаженной перед незнакомцем.

– Я...

Хочу ответить, не позволяет.

– Молчи.

И у меня внутри искры, на миг прикрываю глаза, чтобы дать себе временную передышку, чтобы отдалиться от дикаря, который смотрит так, что прожигает до внутренностей.

– Подойди ко мне.

Опять приказывает мне и где-то уже начинает злить односложностью своих фраз. Машу головой из стороны в сторону.

– Не усложняй свое существование. Мои приказы не обсуждаются.

– Не знала, что мы в армии.

Берет флакон и прыскает на ватный диск показательно перекисью, нервы не выдерживают, и я шепчу:

– Меня будут искать, вас видели, ваше лицо будет первым среди разыскиваемых. Мой жених влиятельный человек, он натравит на вас...

– Ставлю на это, – в глазах пламя вспыхивает, когда проговаривает хрипло, – а теперь иди ко мне, Ярослава.

– То есть если все новостные каналы будут крутить видео моего похищения, вам все равно?

– Ни один материал не уйдет в эфир. Айдаров дорожит репутацией, а дела семейные любят тишину.

– Что?!

– Я ответил, – делает паузу и хлестко приказывает: – Подойди.

Ноги сами несут меня к мужчине, останавливаюсь чуть поодаль. Но все же трушу, дергаюсь назад. Монгол выбрасывает руку вперед, тянет меня на себя, заставляет застыть между раздвинутых мощных мужских ног, облепленных черными джинсами.

Проскальзывает шепотная мысль, что чем-то отдаленно напоминает Айдарова. Мاستью, наверное. Тянет меня на себя, падаю, оказываясь сидящей на его бедре.

Слишком близко, отворачиваюсь, а он неожиданно мягким движением отводит мокрые пряди мне за ухо и хрипловатым голосом жарко шепчет:

– Тебя трясет.

– Может, от того, что ты до чертиков пугаешь?

Улыбается, оголяет белоснежные зубы и прикладывает ватный тампон к моей щеке, морщусь от боли.

– Тише, невеста.

От томной вибрации этого голоса вся сжимаюсь. Дергаюсь, но зажата в силки. Мой похититель обрабатывает раненую щеку. У него явно есть навыки и умения в этой сфере. Проводит тампоном с чем-то шипучим по коже, всхлипываю, терплю легкую боль и просто задыхаюсь от неожиданности, когда ощущаю ментоловое дыхание с примесью корицы на своем лице легким ветерком.

Прикусываю губу, пока он слегка дует на рану, чтобы облегчить жжение. Не могу оторвать от него взгляда.

– Нравлюсь?

Кривит губы в ухмылке и вскидывает бровь. Наглый до неприличия. В отчаянии отрицательно машу головой, и своей реакцией вызываю лишь острый блеск в глазах.

Он уверен в себе, знает, как действует на женщин. Смотрю в мужское лицо и у меня дух перехватывает. Экзотическая внешность. Бешеная харизма, в повадках нечто звериное, едва уловимое.

Опять проводит по щеке. Шиплю.

– Потерпи. Я промываю рану.

– Хватит. Вы мучаете меня!

Выдыхаю, когда пальцы начинают ласкать линию челюсти и спускаются на шею, стирают капельки воды. Сразу же сжимает ладонь на моем горле, сожмет сильнее и меня не будет, заставляет смотреть себе в глаза.

– На вид такая нежная, чистая, а продалась за бабло Айдарову. Решила, что муженек побыстрому скопытит и ты прихапашь все богатство?

Конец фразы действует подобно стреле, пронзающей сердце. Ведь, по сути, со стороны так и есть. Молодая девушка выходит замуж за человека по возрасту старше ее отца. Вряд ли по большой любви возможен подобный брак. И хоть разумом понимаю, что мысли Монгола логичны, но рука дергается в порыве залепить пощечину за оскорбление.

– Отпусти меня! – шиплю не хуже Марсича, своего кота, и каким-то чудом собираю дрожащие пальцы в кулак, чтобы не замахнуться. Спасает чувство самосохранения. Передо мной злой, лютый зверь, а я против него букашка, которую он прихлопнет щелчком.

– Правда не нравится, сладенькая?!

Ухмыляется, а в глазах лезвия. У него интересный взгляд. Цепкий. Изучающий.

– Я тебе открою тайну, Ярослава. Ты быстрее на том свете окажешься, нежели твой мужек... И о чем ты думала, соглашаясь выйти за выродка, каких земля не видела?

– Предлагаешь одного зверя поменять на другого?

Отвечаю дерзко, нахохлившись, и меня буквально уносит от его реакции. Монгол запрокидывает голову и хохочет, а у меня от этого звука в ушах закладывает. От агрессивной красоты, от ровных крепких зубов с крупными клыками. Жутко красив. Резко замолкает. Обращает свой стремительно темнеющий взгляд на меня. Словно фокусирует прицел.

Я от него действительно глаз оторвать не могу, изучаю суровые черты. Все кажется, что варвар передо мной. Притаившийся дикарь.

Проводит рукой вниз по моему плечу и сжимает на локте, пока другой обрабатывает ранку. Чувствую, как кольца на его пальцах впиваются в мою кожу, наверное, завтра я обнаружу два голубых следа отпечатком полумесяцев.

– Не трогай меня, пожалуйста, – мольба натывается на пустоту взгляда. Между нами глухая стена. Этого мужчину не разжалобить.

– Молчи. Лучше.

Заканчивает обрабатывать мою ссадину и отбрасывает ватку, а я поражаюсь тому, насколько он огромный, и когда злится, мышцы каменеют, бугрятся, натягивают ткань майки так, что скоро я услышу треск.

Опускает взгляд на побелевшие от натуги костяшки моих пальцев, которыми я вцепилась в полотенце, держа его прямо под горлом.

– Не нравится слышать правду? – интересуюсь едко и по привычке движением головы откидываю влажные пряди со лба.

Отслеживает этот жест. Опять хмурится, темные брови смыкаются на ровной переносице, глаза становятся дикими. На радужке видны точки. Я все жду, когда он сорвет с меня преграду и набросится, как зверь, не знающий пощады, но мужчина безотрывно всматривается в мое лицо, словно ищет что-то. Машет головой, прикрывает широкие веки и в следующую секунду, когда распахивает, оттуда на меня сама смерть смотрит, а он выдыхает пораженно:

– Наваждение просто...

– Что?! – не понимаю его.

– Просто будь умницей и все пройдет безболезненно, я буду ласков. Ты – моя. Таков закон.

– Ты, верно, шутишь?!

В ответ тишина и прожигающий взгляд. Сделает. Не пощадит. Прикусываю губы. Пытаюсь понять, как достучаться до варвара, который держит меня в своих руках. Рассматриваю мужественные черты и понимаю, что я никогда не встречала такого мужчину. Айдаров пугал, а вот Монгол... Он все же другой. От него угрозой веет, прошибает мощью, давящей энергетикой.

Наклоняет голову и проскальзывает пальцами в мои мокрые прядки, притягивает к себе, заставляет ощутить, насколько напряжен, а я в ужасе распахиваю глаза, так как мое тело откликается на эту близость, реагирует.

– Послушай...

Накрывает мои губы, врезается так, что я не могу дышать, ударяется зубами о мои зубы, выбивает дух, а я лишь царапаю мощную шею и грудную клетку, тону в своих ощущениях.

Отпускает мой рот, отклоняет голову и смотрит на меня, а мне кажется, что я чувствую, как его аккуратная борода до сих пор мою кожу покалывает, хоть он уже и отстранился.

– Хорошую невесту выбрал шакал, горячая штучка, – проговаривает надрывно и в глазах дикость.

Опускает руку на мое бедро, скользит слегка по коже, а у меня ледяные мурашки бегут по телу, бросает из жара в холод.

– Я ненавижу своего жениха.

Выговариваю горько, и слезы, наконец, срываются с ресниц. Как долго я держала это откровение внутри себя?!

Пыталась быть сильной, стойкой ради Моти. Глушила свои чувства, боясь проговорить вслух. Боясь, что выплуну свой отказ в лицо Айдарову и подпишу смертный приговор своей семье.

– Ненавидишь...

Повторяет за мной, и рука застывает на моей влажной коже. Это простое касание прожигает.

– Лицо ангела скрывает расчетливую охотницу...

– Нет!

Понимание собственной незащитности заставляет говорить, выговариваться, как перед палачом, что готовится к казни.

– Айдаров мне противен. Выворачивает от одного взгляда на этого жирного борова.

Лицо Монгола меняется, игривость пропадает и уступает место холоду, который просыпается во взгляде.

– И как бы ты пережила брачную ночь? Чем бы перебила омерзение?! Алая простыня, девочка, чем больше отметин невинности жены, тем больше почета мужской силе. Старые обычаи. Когда ты продавалась, тебя муженек не просвещал, что будет, когда двери спальни закроются?

Кривит губы в издевательской усмешке, а сам каменеет.

– У меня не было выхода...

– Он всегда есть.

– Это неправда, – улыбаюсь грустно, – иногда его не дают. Как ты мне сейчас.

На мгновение маска отчужденности дает трещину, Монгол прикрывает веки, желваки на щеках напрягаются, будто в эту самую секунду он испытывает дикую боль, но уже в следующее мгновение мужчина распахивает тигриные глаза и проговаривает хрипло:

– Мне надоели разговоры, невеста.

Глава 6

– Я не верю, что ты причинишь мне вред.

Выпаливаю на одном дыхании. Не знаю, на основании чего у меня в голове яркой вспышкой рождается подобная уверенность. Опять приподнимает бровь со шрамом, иронично.

– Верно подмечено, я сделаю кое-что другое.

Что-то внутри меня протестует, и я озвучиваю то, что успела прочесть в его глазах:

– Не всегда все так, как кажется на первый взгляд. Иногда тот, кто причиняет боль, делает это потому, что сам на грани агонии.

Проговариваю фразу и замолкаю. Не решаюсь больше ни на что. Берет паузу. Не отвечает на мою реплику. Но уже в следующую секунду кривит губы в ухмылке.

– Дай угадаю, философия – любимый предмет в универе?

Больше не дает возможности ответить, тянет на себя, а у меня сердце разрывается на части, кричу в лицо варвару, пока еще могу сопротивляться напору одичалого хищника, пришедшего по мою душу:

– А чем ты лучше моего жениха?! Чем?! Айдаров загнал мою семью в долговую яму, закрутил вентили так, что мой брат может погибнуть! Я на все пойду, все сделаю! Тебе это понятно?! Чувствовал хоть раз в жизни, что ради дорогого человека через себя переступишь?!

Отшатывается на мгновение и всматривается в мои глаза, а я уже не могу кричать, шепчу только:

– Против Мурата никто не выстоит. И я проклинаю день, когда чертов Айдаров увидел меня на приеме... Я виновата! Сидела бы тихо в своей комнате, как всегда, не выходила к гостям и не было бы ничего из этого. Просто захотелось утереть нос мачехе. Так утерла, что сейчас оказалась сидящей на незнакомом мужике.

– Иногда армагеддец случается.

Редкостный циник. Выводит меня на эмоции. Злюсь.

– Ты наглый. Надменный...

Давлюсь воздухом, когда наклоняется и выдирает из меня вскрик, выцеловывает очередной стон...

Его руки вызывают томление. Кожа горит и пульсирует, упираюсь в него ладонью, пытаюсь игнорировать то, как на коже вспыхивают искры. Не знаю, что сейчас меня пугает больше: крепкие мужские объятия или моя реакция на этого дикаря.

Опять отпускает, играет как кот с мышкой, то нападая, то отступая.

– Ты мне противен. Так же, как и он.

Проговариваю со всей злостью, вру безбожно, потому что еще ни разу в жизни поцелуй не кружили голову, не выбивали дух, а может, я просто сошла с ума от всего ужаса, который успел со мной произойти за последнее время...

– Я это переживу... – надрывный шепот и сильная рука заставляет прогнуться в спине, давит на поясницу, падаю на широкую грудь, огненные пальцы проскальзывают по плечу и останавливаются на затылке, подталкивают, моя ладонь опускается на каменное плечо, скользит, и я чувствую, как под кожей бугрятся стальные мышцы при каждом его движении.

Резко распахиваю глаза, помутнение проходит, вспоминаю, в чьих именно руках нахожусь, изо всех сил провожу ногтями по шее мужчины.

– Коготки у кошечки острые, смотрю.

Дикий взгляд, прожигающий каждый миллиметр моей кожи, выжигающий до костей. Откровенный, порочный. Жаждающий. Алчный.

Все внутри меня сжимается в тугой комок напряжения, наблюдаю, как взгляд моего похитителя становится тягучим, плотным, как ночь, зрачки расширяются, затапливают радужку.

Дикий зверь играет с добычей, рассматривает, пробует на зуб, пока не ранит, но только пока...

– Это сумасшествие.

Шепчу дрожащими губами. Все еще нахожусь в трансе, тело вспыхивает от странной неизведанной истомы, коленки слабеют и где-то внутри что-то откликается на такой голодный мужской взгляд сладкой истомой.

Вскидывает бровь, считывает меня, оголяет зубы в порочной улыбке.

– Действительно...

Рассматриваю чужака, у него необыкновенно красивые черты лица, высокие скулы и ровный нос, брови вразлет, одна перечеркнута шрамом, белесым по сравнению с бронзовой кожей. Опять рисунок на виске притягивает взгляд, но ускользает от восприятия. Не могу понять, что там, и поражаюсь тому, как он может быть настолько мужественным и пугающим.

Стягивает майку через голову и отбрасывает в сторону.

Я сижу на его мощном бедре, но даже в таком положении мужчина слишком огромный, широкая грудная клетка и прокачанный пресс привлекают внимание бронзово-золотистой кожей.

На плечах татуировки, какие-то странные чешуйчатые вязи, орнамент, который я не могу понять. Словно код или шифр. Ровная грудная клетка поднимается в такт дыханию, а я смотрю на прорисованный каменный пресс, разглядываю, шокированная необыкновенной красотой мужского тела.

Отбиться от этой горы мышц невозможно. Он раскидал охранников Айдарова, словно слепых котят...

– Монгол... – сбивчивым шепотом с моих губ и ухмылка в самые губы, огненное дыхание с привкусом ментола и миндаля жалит, кружит, отравляет.

– От тебя возбуждением несет, ночь будет приятной...

– Я прошу... – повторяю, прикрывая потяжелевшие веки, поддаюсь дьявольскому притяжению мужчины.

– Чтобы остановился или продолжил? – хриплый голос опутывает. – О чем именно, Ала-айа?

Незнакомое обращение действует сильнее ледяной воды. Распахиваю глаза, прогоняю наваждение и ловлю окончание фразы, выдыхая:

– Алая?

– Что?

Спрашивает вдруг осипшим голосом.

– Ты назвал меня Алая. Почему?

Меняется в лице. Что-то странное происходит, понимаю, что Монгол сейчас может быть удивлен ровно так же, как и я...

– Это ничего не значит.

Наши взгляды скрешиваются, подобно оголенным рапирам. Не опускаю свой взор ценой невероятных усилий. Что-то я нащупала. Не могло мне это показаться. На краткий миг словно заглянула внутрь...

– Что означает на твоём языке Алая?

Упертость у меня в крови и сдаваться я не собираюсь, но мы с Монголом в разных весовых категориях, морок рассеивается и мужские губы опять усмеваются. Проводит костяшками пальцев по линии моего подбородка.

– Просто слово. Алаайа.

И в голосе вибрациями импульсы, которые отдаются в моем сердце неровным биением. Почему мне кажется, что он меня только что ласково назвал неожиданно для себя?

– Я все еще надеюсь, что ты отпустишь меня.

Надежда все еще теплится в груди. И я не вижу в Монголе настоящей агрессии. Страсть, дикость, какая-то одержимость, но варвар не хочет навредить. А может, я просто глупышка, которая попала под жернова, до конца не осознающая, что механизм запущен и необратим.

– Для тебя все мосты сожжены, невеста.

Подтверждает мои мысли. Его неприкрытая уверенность в своей правоте сшибает осознанием моей незавидной участи.

– Если вернешься сейчас...

Не договаривает, а у меня холодок по спине проскальзывает. Накатывает ступор. Отец меня примет, я уверена, но вот Айдаров... Что сделает этот жестокий человек с той, которую назвал невестой и которая стала женой с другим?

Опять меня настигает обида на всю несправедливость, на ситуацию в целом и я начинаю биться в руках Монгола. Хочется бежать куда подальше.

– Откуда ты взялся на мою голову?! – шиплю, вырываюсь.

– Буйный норов у тебя, Ярослава.

– Собираешься усмирять?!

Не реагирует на мой выпад, показательно поднимает руки ладонями вверх.

– Ты сама держишься за меня.

Оглушает, смотрю на свою ладонь, которой вцепилась в сильное плечо, отдергиваю руку, как если бы обожглась. Вскрываю. Повторяет все мои движения, тоже встает. Возвышается надо мной, заполняет все пространство. Рядом с ним я просто мелкая тростинка, с которой играют перед тем, как переломить надвое.

– Не советую меня шарахаться.

– Как-то оно само собой получается. Может, это нормальная реакция в сложившейся ситуации, не находишь?

Каким чудом мне удастся говорить столь язвительно, я сама не знаю, тело начинает дрожать, пальцы левой руки намертво вцепляются в полотенце, накинутое на плечи, держат его под горлом.

Опускает взгляд, смотрит на мою руку, которая сжалась в кулак, я его сейчас сама разжать не смогу.

Заставляет меня отступать мелкими шажочками, буквально схожу с ума в ожидании страшного выпада, который непременно должен последовать.

Все волоски на теле встают дыбом от гнетущего молчания и вынужденного затишья перед бурей.

Вопросов в голове пролетает тьма. Что он сделает? Зачем ему я вообще? Какая месть?

Ответов нет.

Раскосые глаза прожигают мои пальцы, сжавшие полотенце, наклоняет голову к плечу. Дышу шумно. Грудь поднимается в такт с рваными вдохами. И от понимания, что я у него как на ладони, меня опутывает смущением.

Скользит, опускается к голым коленкам. Прищуривается, а я с трудом заставляю себя не переминаясь с ноги на ногу, Монгол смотрит на шрам на моей коленке.

– Я была резвым ребенком, отметин падений много, – почему-то оправдываюсь.

Именно моя неидеальность вызывает слишком ярый интерес.

Скользит взглядом дальше и останавливается на моих поджатых пальчиках на ногах, которые я вонзила в мягкий ворс ковра.

– Алаайа.

Опять это странное обращение. Слово, пропитанное чувственной тягучестью. Пауза и оглушающее:

– У шакала отменный вкус.

И столько ненависти в этой рубленой фразе, что мне до чертиков становится страшно. Чувствую себя сидящей на аттракционе со смертельным исходом, будто я не пристегнута, лечу навстречу неизбежности и ничего не могу с этим всем поделать. Жизнь сделала кульбит, а я не успела сгруппироваться.

И как подтверждение следует приказ:

– Откинь полотенце...

Отрицательно машу головой. Кивает в знак того, что понял меня. В два шага приближается. Накрывает мои ледяные пальцы своей пятерней, легко выдирает из моих заледеневших пальцев махровую ткань, которую я накинула, чтобы прикрыть плечи.

Лишает одного слоя самодельной одежды. Чуть отстраняется, ловит меня за руку и смотрит в глаза не мигая.

Чувствую, как капля падает с мокрых волос и скользит по шее к ключицам, затем вниз. Монгол отслеживает путь капельки страшным, диким, до безумия порочным взглядом и словно натывается на мое кольцо...

Жилы на шее вздуваются, ноздри трепещут, когда цедит вопрос:

– Подарок женишка?

Глаза у него темнеют, взгляд становится по настоящему страшным.

– Да... Это кольцо – его подарок, если можно так сказать...

Роняю совсем тихо.

Делает шаг, приближает лицо ко мне и смотрит в глаза, а мне почему-то хочется завизжать от безумного испуга.

Поднимаю дрожащие пальцы и накрываю крупный бриллиант, который булыжником висит на золотом обруче.

Как только увидела это проклятое украшение, меня передернуло. Появилось стойкое ощущение, что это ошейник, а меня сажают на поводок.

Прикрываю глаза на мгновение, утопая в воспоминании.

– Ярослава, Мурат Айратович ждет тебя!

Щебечущий голос Марины доходит до слуха веселым колокольчиком.

Еще чуть-чуть и я поверю, что мачеха действительно относится ко мне с теплом.

Быстро вытираю влажные ладони о юбку и, наконец, заставляю себя выйти в гостиную.

Сразу же выхватываю взглядом громоздкую фигуру Айдарова, восседающего в папином кресле. Удивляюсь, насколько этот человек в чужом доме ведет себя словно хозяин.

– А вот и невеста, – наигранно хлопает в ладоши Марина, пытаясь развеять гнетущую обстановку.

– Проходи, Ярослава, – приказывает мой жених. На журнальном столике перед ним стоит черный кофе, приготовленный в турке. Наш гость пьет только такой. Уже знаю его вкусы, но сегодня Мурат не притронулся к подношению.

Отец сидит чуть поодаль, уступив свое место главы семьи.

– Ярослава, – голос Айдарова пропитан странными нотками. Тяжелый взгляд направлен на меня и что-то есть в этих раскосых черных глазах, что заставляет меня ступешаться и опустить свой взор. Он смотрит на меня так, словно я обнажена.

– Ну что же, я хочу, чтобы меня оставили наедине с моей невестой.

Резкий голос и все тот же безапелляционный тон заставляют встрепенуться. Смотрю на отца, который подается вперед и негодуя поджимает губы, замечаю, как Марина перехватывает его за руку, чтобы не дать ему высказаться.

– Конечно. Я вижу, что господин Айдаров не с пустыми руками. Жених имеет право передать свой презент наедине, пойдем дорогой, не бую мешать.

Мачеха тянет отца за рукав пиджака и буквально силком вытягивает с дивана в то время, как Настасья бросает на меня убийственные взгляды, стоя чуть поодаль.

Моей горе-сестре почему-то кажется, что я выиграла джекпот, попав под прицел внимания Айдарова. Ловлю себя на мысли, что если бы на моем месте действительно была она, то многих сложностей удалось бы избежать.

Опять перевожу взгляд на Айдарова. Мурат, несмотря на возраст, импозантный мужчина. От него веет флером опасности и больших денег, и мне почему-то думается, что Анастасия пошла бы под венец с ним по доброй воле, а может, она была бы счастлива и все бы было куда легче.

Хотя чего уж теперь додумывать. Айдаров захотел меня и завтра он меня получит.

– Настасья, ты задерживаешься, – в голосе Марины явно слышен металл.

Сестра бросает еще один короткий взгляд, полный каких-то неуловимых чувств, на Мурата, не успеваю все понять, она проходит мимо меня. Высокая. Статная. Красивая блондинка. Сердцеедка. Именно она должна была стать невестой Айдарова, не я.

Быть может, это предложение сделало бы ее счастливой. Ведь она любит власть, а этого у Мурата в избытке.

– Удачи, Слава, – бросает напоследок сестра и только я слышу надтреснутость в ее голосе, но уже через секунду ко мне обращается жених.

– Я доволен. Марина справилась. Как вижу, к торжеству все готово.

Приподнимаю губы в грустной улыбке. Для него торжество, а для меня... судный день.

Молчание затягивается.

Наконец, Айдаров берет чашку со столика и делает глоток. Пьет медленно, не отводя своего черного взгляда от меня. Остаюсь стоять, не подхожу к нему, не сажусь рядом, не начинаю беседу.

Просто рассматриваю мужчину. Если бы он вел себя иначе, проявил бы терпение и не шантажировал семью, он бы мог мне понравиться, наверное, но сейчас меня скручивает от отвращения и понимания, что завтра я буду принадлежать ему...

Мурат отставляет пустую чашку. Откидывается на спинку кресла.

– Иди сюда, красавица моя.

Горький ком встает в горле. И это ласковое обращение претит. Прикрываю глаза и как мантру повторяю:

«Мотя. Помни о брате. Помни».

– Ты нерасторопна. Это плохое качество для моей будущей жены.

Прищуривается. Холодок только от этого жеста по коже изморозью скользит. Быстро иду в его сторону, застываю чуть поодаль в нерешительности. Не понимаю, стоит ли мне садиться или остаться стоять.

Жду его распоряжений, но мой жених не спешит пригласить меня присесть, не говорит ничего, продолжая рассматривать. Проходится черными глазами по моей фигуре, облаченной в легкое бежевое платье ниже колен и простые балетки.

Волосы я свернула в жгут на затылке, от косметики отказалась, как меня ни уламывала Марина.

Мне незачем выглядеть лучше, Айдаров меня уже купил. Если разонравлюсь, то это будет счастьем.

– Хороша...

В ответ на мои потаенные надежды звучит утверждением.

Айдаров наклоняет голову к плечу, жест как у хищника, лениво рассматривающего добычу.

Не отвечаю на похвалу, не двигаюсь и в следующую секунду чуть не верещу, когда Айдаров выбрасывает руку и тянет меня за подол юбки, касаясь голой кожи моей ноги.

По инерции лечу вперед, но мужчина встает и я не падаю на него, а врезаюсь в широкую грудную клетку. Он плотный, совсем не рыхлый, хоть и живот выпирает.

– Ну, тише, не будь пугливой.

– Вы только что спровоцировали мой страх.

Пытаюсь говорить ровно, хоть и позвоночник болит от нервного напряжения.

Ухмыляется. Улыбка тонет в седой бороде.

– Покорность, Ярослава. Это качество я хочу видеть в своей жене, и я его увижу.

Всего лишь фраза, а я четко слышу угрозу.

Открываю рот, чтобы ответить, кладет большой палец мне на губы, лишает возможности высказаться.

– Ты должна молчать и говорить только тогда, когда получишь разрешение мужа.

В шоке распахиваю глаза. Сглатываю вязкую слюну. Пытаюсь не заорать. Не убежать и не высказать все, что думаю.

– Я к тебе с подарком, золото мое.

Чудом не закатываю глаза.

– В день свадьбы невеста должна быть в украшении, подаренном мужем.

Улыбается и берет большой бархатный футляр в руки.

Сморю на эту ярко-алую коробку и мне становится дурно...

– Подарок моей невесте. Знак того, что я доволен.

Мурат чувствует себя хозяином везде, ощущение, что я всего лишь вещь, очередное дополнение к коллекции.

Раскрывает футляр, а я почему-то медлю, не хочу заглядывать внутрь, словно увижу там нечто непотребное.

– Взгляни.

Приказывает и что-то злое вспыхивает в черных глазах, цепко смотрящих из-под седых широких бровей.

Повинуюсь и опускаю свой взор. На шелковой черной подкладке лежит широкий золотой обруч настолько отполированный, что я вижу в нем отражение своих шокированных глаз.

Колье в виде сердца с массивным желтым бриллиантом по центру почти с кулак ребенка и серьги к нему.

Не ждет моей реплики, вынимает украшение, небрежно отбросив коробку на столик, и внимательно смотрит в мои глаза.

– Повернись ко мне спиной.

Хриплый голос и очередной приказ, и я повинуюсь, прикрываю глаза, сжимаю пальцы в кулаки, а сама заставляю себя отдалиться от касаний мужских пальцев, вспоминая, как буквально полчаса назад сжимала хрупкую ладошку Моти. Заглядывала в родные глаза и мысленно обещала, что справлюсь.

Мурашки бегут по коже, когда холодный металл опускается на шею, и в гнетущей тишине я отчетливо слышу, как защелкивается замок.

Ощущать Айдарова за спиной неприятно, быстро разворачиваюсь, делаю шаг назад, но Мурат ловит меня за локоть, заставляет стоять на месте и проводит пальцем другой руки по металлу.

– Идеально.

Опять смотрит мне в глаза и этот взгляд – он черный, пустой и одновременно кажется, что заглядываешь в бездну.

Тяжесть колье ощущается слишком остро.

– Спасибо за подарок.

Выдавливая из себя слова, чтобы не молчать. Айдаров берет паузу, чувствую, что сейчас непременно что-то случится. Ощущение гнетущей недосказанности оглушает и мне до безумия хочется снять украшение. Оно холодное, неприятное. Ощущение такое, что мне на шею не украшение ценой в миллионы надели, а слизкий червь обвил горло.

– Завтра...

Многозначительно бросает Айдаров и отступает на шаг.

– Я обязательно его надену.

Говорю то, что от меня хотят услышать, а сама поднимаю руки, нащупываю замок, пытаюсь расстегнуть удавку.

– Что ты делаешь, Ярослава?

– Хочу положить обратно в футляр, не хочу повредить такую красоту.

– Похвально. Но ты его снять не сможешь.

– В смысле?!

Улыбается многозначительно.

– До завтра. Постарайся выспаться. Следующей ночью спать ты не будешь.

– Я хочу снять украшение, – пытаюсь, чтобы голос звучал ровно.

Бросает на меня непонятный взгляд. Разворачивается на каблуках и идет на выход. Вновь давая понять, что с моим мнением никто считаться не будет.

Как только дверь за Айдаровым закрывается, я тянусь к чертовому колье, дергаю его в агонии, тащу что есть сил, пытаюсь снять, но проклятая удавка лишь больнее впивается острыми гранями в кожу.

Наконец, понимаю, что украшение не снять, хитрый замок не позволит, и единственное, чего я добьюсь своим дерганьем – это куча ссадин и синяков, а может, и порезов.

Провожу пальцем по внутренней стороне и от понимания, что эта чертова побрякушка острая изнутри, бросает в холодный пот. Кровь стынет в жилах. В мозгу вспыхивают мысли одна страшнее другой. Чертова удавка ощущается лезвием, которое поднесли к самому горлу.

– Проклятый Айдаров! – всхлипом вырывается из горла, колени слабеют и я падаю на диван, обнимаю себя руками и начинаю захлебываться слезами.

– Это ошейник или что-то еще более страшное.

Хоть разумом и осознаю, что не снять, но пальцы все так же продолжают нервно тереть удавку. Не знаю, сколько я так лежу, но слезы высыхают.

Закрываю глаза, успокаиваюсь, отстраняюсь от своих переживаний.

– Чего разлеглась?

Голос Настасьи заставляет приподняться, а когда сестра видит колье на моей шее, ее передергивает. Она молча изучает украшение, прикусив нижнюю губу, и в глазах ее опять калейдоскопом пролетают непонятные для меня эмоции.

На нежных щеках сестры вспыхивает румянец.

– У тебя на шее целое состояние, Яська!

Улыбаюсь краешком губ сквозь слезы. Я сейчас, скорее, ощущаю себя заключенным, которому булыжник на шею прицепили и вывели к месту казни.

Не отвечаю, а сводная сестра присматривается к моим опухшим глазам.

– Я надеюсь, ты рыдаешь от счастья?!

– Отстань от меня.

– Дура ты! Непроходимая! Такой мужчина тебе бриллианты дарит, а у тебя скорбь вселенская?!

– Мне сейчас не до тебя, Настасья, – пытаюсь не сорваться на крик.

Встаю с дивана, хочу уйти, но сестра ловит меня за локоть. Глаза у нее полыхают, когда опять смотрит на золотой обруч.

– Не быть тебе счастливой с Айдаровым, не быть!

Если это было проклятием, то оно неудачное.

– Я знаю, Насть.

Смотрю спокойно, пока сестра, наконец, сама не выдерживает, отпускает меня.

– Почему он не выбрал меня?! Что в тебе есть, что привлекло такого мужика?!

– Хотела бы я знать ответ.

– Побystрее бы наступило завтра! Не хочу тебя видеть больше. Все проблемы из-за тебя!

Во всем ты виновата!

– Что именно ты ставишь мне в вину, сестра? – последнее слово я буквально цежу.

– Если бы ты не ломалась, как последняя идиотка, а сама согласилась на предложения Айдарова, всего этого не было бы!

– Ты с ума сошла?!

– Веселись, сестра. У невест обычно бывает девичник перед свадьбой! Раз так, то пусть Мурат станет твоим наказанием.

Настасья резко разворачивается и бежит к лестнице, а я смотрю ей вслед и что-то страшное поднимается в груди. Обида душит. Несправедливость.

– Девичник, говоришь?!

И именно в это мгновение я принимаю опрометчивое решение убежать в клуб...

Глава 7

– Дорогая побрякушка, – голос Монгола спокойный, но кажется, что в глазах красные точки зажигаются. Там ненависть живет. Я ее чувствую каждой клеточкой. Это чувство сейчас рикошетом направлено на меня.

– Ты действительно многое значишь для Айдарова, – раздвигает губы в улыбке, – это открытие радует. Думаю, его особенно обрадует мой ответный подарочек...

– Что ты имеешь в виду?

– Раз шакал так уповал на традиции, то я ему сделаю оглушительный презент.

– Я тебя не понимаю!

Каменеет, словно увеличивается в пространстве, заставляет кожей ощутить свою ярость.

– Тебе не нужно ничего понимать. Твоя роль на этот вечер одна.

Поднимает руку и касается моей щеки, проводит мягко, пальцами зарывается в волосы и заставляет приподняться на цыпочки.

– Твой жених получит страшное оскорбление, а затем последует новый удар. Каждый последующий будет сокрушительнее предыдущего, но вначале я заставлю его прочувствовать, каково это, когда у тебя отнимают то, что ты считаешь своим.

Улыбается. Глаза у него начинают чернеть стремительно, а само прикосновение становится болезненным, токсичным, у меня слезы на глазах наворачиваются.

– Я не вещь и не переходящий из рук в руки трофей!

– Ты его собственность и ожерелье на твоей шее говорит мне именно об этом. Айдаров, видимо, свихнулся на старости лет и воспылил страстью к невестушке. Это чудо, Ярослава. Ты для моей цели просто идеальна...

Опять ласка по скуле, а затем большой палец очерчивает линию моих губ. И у меня мурашки бегут, ведь его жестокие слова разнятся с нежностью прикосновения.

– Невеста заклятого врага. В моих руках.

Опускает ладонь на мою талию, заставляет сделать шаг, чтобы буквально утонуть в его ауре, энергетике, мощи.

Запрокидываю голову, чтобы смотреть в лицо своего палача.

– Я тебя понимаю. Ты считаешь меня инструментом для того, чтобы сделать больно врагу, но ведь я живой человек... Это несправедливо...

Вздрагивает от моих слов. Взгляд становится опасным.

– Ты для меня всего лишь его невеста.

И говорит это таким тоном, словно сам себя убеждает, что я и не человек вовсе.

– Так чего ты тогда ждешь?! – рявкаю зло. – Приступай к своей каре. Вот она я стою перед тобой. На какое страдание ты обречешь невинного, чтобы Айдарову стало мифически больно?!

– Ты не понимаешь.

– О, я понимаю, более чем. Хочешь взять то, что должно было принадлежать моему мужу, чтобы оскорбить?! Только знаешь что?! Ты ошибаешься! Я ничего не значу для своего жениха! Всего лишь прихоть.

Опять смеется, и этот глубокий смех отзывается во мне трепетом и осознанием, что я ничто перед этим мужчиной.

– Глупышка. Наивная.

– Не настолько, чтобы не понять очевидного.

Прищуривается, ему явно неприятно то, что я ему говорю.

– Я не воюю с женщинами, а тебе будет приятно участвовать в моей вендетте.

Опять притягивает к себе уже двумя руками и смотрит в мои глаза. Ведет пальцами по оголенной части плеч, вызывает дрожь, припорошенную гневом.

– Ты ничем его не лучше. И я ненавижу тебя ровно так же!

Повторяю, как мантру, дергаюсь, чтобы отстраниться, чтобы не чувствовать этот дьявольский магнетизм. Я сейчас должна бояться этого мужчину, но то, что я испытываю, кажется невероятным.

– Интересно ты меня сейчас “ненавидишь”, дрожишь совсем не от страха и в глазах блеск вожеления.

Наклоняется и ведет носом по моему лбу, словно принюхиваясь, а я понимаю, что ладонями упираюсь в его торс, проработанный и сильный настолько, что кончики пальцев покалывает от остроты близости.

От злобы на себя за такую реакцию кусаю губы и слезы начинают течь ручьем.

– Колье на твоей шее дань старым поверьям. Подарок перед свадьбой несет достаток в семью, а золото символизирует плодородие. Айдаров хочет от тебя детей, Ярослава. Ты знаешь для Мурата куда больше, чем думаешь...

Смех сквозь слезы накрывает стремительно.

– Я пыталась снять эту удавку, но это невозможно!

Сводит широкие брови на переносице, хмурится.

– На мне не колье, а ошейник, Монгол!

– Что ты говоришь такое?!

– То, что как я ни пыталась снять с себя эту фиговину, она не поддается!

– Не может этого быть.

– Мой жених меня не спрашивал, когда надевал свой подарок на шею, как и ты не видишь, что я ни в чем не виновата! И ты сейчас действуешь так же! Не даешь выбора, продавливаешь свое.

Всхлипываю, когда стирает мои слезы, но внутри меня уже поднялось цунами, дикая буря и желание воевать до последнего. Пусть я заведомо слаба, но я буду отстаивать себя до последнего!

Толкаю мужчину изо всех сил, бью наотмашь, пожалуй, мне удастся задеть варвара только из-за того, что он не ожидал подобной истерики.

– Знаешь что, Монгол?! Я тебе не дамся! Айдаров имел на меня рычаги давления, он мог заставить меня быть покорной, а ты нет! Поэтому мой ответ будет единственным для тебя – никогда ты не получишь меня! Ошейник на мою шею надел другой и покорности от меня ждать не стоит! Лучше Айдаров, чем ты! Он-то хоть не претендует на звание героя, спасшего невинную деву в беде. Мурат изначально показал, какой именно он беспринципный человек, без прикрас, и в этом он честнее тебя!

Замолкаю, ужасаясь тому, что выпалила, ведомая чувствами. Леденею, когда замечаю, как лицо Монгола бледнеет, чудится, что капилляры в глазах лопаются. Вот именно сейчас я понимаю, что перешла тонкую грань дозволенного. До этих слов Монгол просто играл со мной, приценивался, может, но сейчас его черты заостряются, губы сжимаются в тонкую линию.

И я понимаю, что мужчина в бешенстве...

Разворачивается резко, тащит меня вглубь комнаты, одной рукой откидывает покрывало, оголяя белоснежную простынь, наклоняет ко мне голову и произносит с рыком раненого зверя:

– Говоришь, женишок твой лучше меня?!

Закрываю глаза и выдыхаю с шумом:

– Я не отдамся тебе. Делай что хочешь, но не говори, что ты не такой, как он. Мой жених загнал в угол мою семью, а перед свадьбой повесил ошейник на мою шею. Да, золотой и цен-

ный – сути это не меняет. Айдаров зверь, но он не надевает личин. Он делает то, что от него ожидают, не претендует на иную роль, а ты говоришь мне о мести через постель. Так кто же из вас двоих больший зверь?!

– Глаза открой, Алаайя.

Отворачиваюсь, но он ловит меня за подбородок, заставляет столкнуться с янтарным взглядом.

Не понимаю, почему Монгол даже сейчас для меня безумно привлекателен. Вот именно такой злой, с полыхающим взглядом, от которого живот сводит судорогой. Он может причинить мне боль, способен уничтожить, разбить вдребезги все, что есть во мне, но все же его рука не причиняет вреда, он просто держит меня. Медлит.

Опять касается мозолистыми пальцами моей поцарапанной щеки.

– Ты... это наваждение... помутнение...

Проговаривает хриплым голосом, рассматривает.

– Не бывает такого. Не могло произойти...

Рубленные фразы и он наклоняет ко мне голову, упирается пылающим лбом в мои волосы.

– У жизни больное чувство юмора, извращенное...

Отстраняется и на дне глаз на толику секунды я читаю еще одну эмоцию, спрятанную, загнанную в самую глубину, но она там есть и это чувство очень сильно напоминает боль...

– Все равно у тебя нет шансов.

Не успеваю даже вскрикнуть, когда мои губы берут в плен, запечатывая пламенным поцелуем, голодным, выбивающим дыхание и кружащим голову. У него губы жадные, напористые и поцелуй становится тяжелым, страстным, окрыляющим и убивающим одновременно.

То, что происходит – это неправильно, так не должно быть, но в моей груди только трепет и теплые волны, как если бы меня целовал любимый...

Последняя мысль опять заставляет вернуться в реальность, и я кусаю Монгола, мужчина отстраняется от меня. У него глаза подернуты дымкой сладострастия, широкие веки чуть прикрыты, я свое отражение в его расширенных зрачках вижу.

– Не шути с огнем, Алаайя, не разжигай и не отталкивай.

Голос низкий, заставляющий пальчики на ногах поджиматься.

В шоке обнаруживаю, что моя ладонь лежит на его лице, и бородака чуть щекочет. Оторваться не могу от красивого жестокого лица. Рассматриваю высокие резкие скулы, прямой нос, опускаю взгляд к умелым полным губам и опять смотрю в глаза палача, которые меня прожигают.

Кончики пальцев сами начинают вести линию по щеке к виску, где чернеет страшный орнамент. На ощупь ощущается так, словно татуировка холоднее. Сумасшествие. Не может такого быть, но тем не менее. Этот символ колет пальцы, как если бы я дотронулась до льда.

Голову кружит аромат шафрана и восточных специй, который примешивается к тягучему мускусному аромату мужчины.

– Я всего лишь пытаюсь достучаться...

– Попытка удалась. Вместо действий ласы точим.

Жестокий он. Застываю в безвременье, вот так смотрю в глаза незнакомца, пока одна рука лежит на его щеке, в вторая сжимает полотенце.

Понимаю, что из меня фиговый переговорщик. Мужчина непоколебим. От осознания своего фиаско сердце сжимается. Глупо было надеяться, что палач, пришедший исполнять свой приговор, помилует меня...

В глазах рождаются слезы, и я говорю без раздумья все, что думаю, четко понимая, что вряд ли может быть еще хуже:

– Не прощу... Я тебе этого никогда не прощу. Ты невинного заставляешь стать орудием мести. Я надеюсь, что у тебя нет сестры или любимой, с которой однажды кто-то поступит ровно так же, чтобы отомстить тебе...

Почему я говорю эту фразу, а сама подаюсь вперед и накрываю губы Монгола робким поцелуем – не знаю. Действую на инстинктах, на противоречии, но варвар не отвечает на поцелуй. Отстраняюсь и смотрю на него, а у самой сердце застывает, пропускает удары, рваные, болезненные.

Монгол смотрит на меня молча, полыхающим взглядом, скользит по моим чертам, рассматривает ровно так же, как и я его, но затем опускает взгляд к ожерелью.

Прищуривается. Высокий, мощный, атлетически сложенный. Со стальными канатами мышц. Одно его решение, приговор, который вынесет, и я сорвусь вниз, разломаюсь на тысячи осколков и больше никогда не буду прежней.

А еще в вдогонку летит идиотская мысль, что возненавижу этого мужчину, больше не смогу испытывать те чувства, которые начинают зарождаться во мне.

– Хорошо, Алаайя...

Тянет ко мне руку, а я застываю, затихаю, просто смотрю во все глаза в лицо мужчины с надеждой, той самой последней толикой, которая не желает умирать, которая верит в лучшее, но Монгол лишь ведет пальцами по моему плечу к ключицам, пока у меня по телу рассыпаются искорки.

– Будь по-твоему, Ярослава... – проговаривает совсем глухо и я жмурюсь, не хочу видеть ничего больше, кажется, что где-то вдали слышно, как подобно стеклу бьются все мои надежды, все мечты.

Слеза скатывается по щеке из-под прикрытых век, делаю последний вдох, прежде чем меня погребет под тягучим саваном бушующего океана. Дышать становится трудно, я задыхаюсь, как если бы действительно тонула и шла на дно к черным беспросветным глубинам с привязанным к шее булыжником.

– Алаайя...

Короткий выдох совсем близко и сильные руки будто смыкаются на моей шее.

Ну вот и все. Проскальзывает в голове мысль, и я замираю, ожидаю всего, что только можно, но совсем не того, что происходит далее...

Мужские пальцы ощупывают несуществующую застежку, которую невозможно открыть, затем проскальзывают под колье, обхватывают его с двух сторон, отдаляя украшение от моей кожи.

Чувствую, как костяшки мужских кулаков царапают кожу, а затем удавка на моей шее натягивается.

Распахиваю глаза, прикладываю ладонь к ключицам, но там, где секундой ранее тяжким бременем ощущалось колье, сейчас пустота.

Смотрю в шоке на Монгола и вижу в его руках два золотых куска, зажатых в широких ладонях.

Он снял ошейник...

Он освободил меня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.